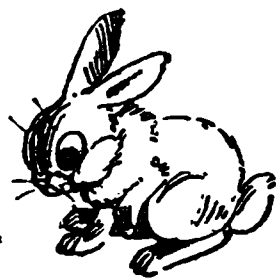
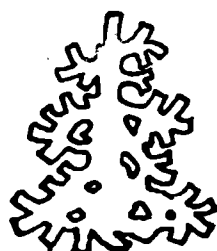
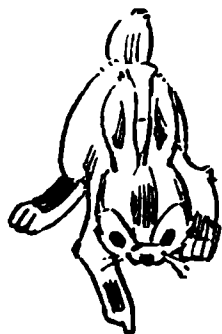

ЕЛЕНА ИЛЬИНА

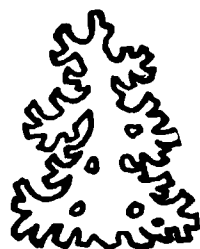
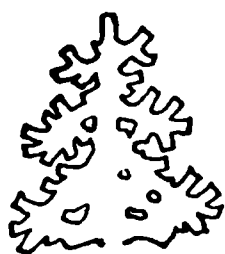

ПУШИСТЫЙ ГОСТЬ

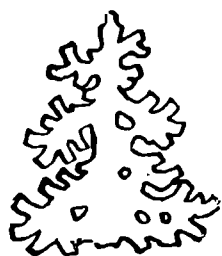
ДЕТЛУЗ
1959

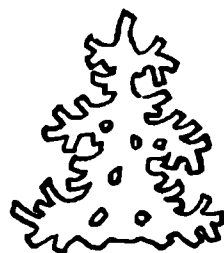
ЕЛЕНА ИЛДИНА

ПУШИСТЫЙ
ГОСТЬ

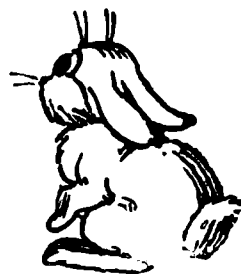

Рисунки Д. Белова

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МИНИСТЕРСТВА ПРОСВЕЩЕНИЯ РСФСР

Москва 1959

КТО ЧТО ЗАПОМНИЛ?

Вы знаете, что делается на улицах большого города, когда наступает вечер?

Сразу вспыхивают все фонари. Куда ни посмотришь — всюду огни, огни, огни...

Зажёгся свет и в широких окнах двухэтажного каменного дома. Он стоит в саду, засыпанном снегом.

А в доме, в одной из комнат, у окна стоит большой фанерный ящик.

На стене возле двери каменного дома прибита дощечка с надписью:

Детский сад № 250

А на крышке большого фанерного ящика — наклейка, и на ней написано:

Строительный материал для одноэтажного деревянного
двухкомнатного дома

Кто же это собирается строить такой дом? И где?

А вот сейчас вы всё узнаете.

Отдохнув после обеда в своей спальне, старшая группа собралась в большой комнате, которая служила детям и столовой, и комнатой для занятий, и комнатой для игр. В одной половине её стояли столики, у стены — небольшой буфет. В другой половине — столики для занятий и грифельная доска, точно такая же, как в школе, только поменьше. А на ковре до самого конца комнаты было много-много игрушек. Дети называли эту комнату „игровой“.

— Давайте сядем в кружок и поговорим, — сказала молоденькая воспитательница Татьяна Ивановна.

И, когда дети уселись, Татьяна Ивановна спросила:

— Помните, как папа Серёжи Скворцова водил нас на строительство большого дома? Расскажите, кто что запомнил.

И ребята стали рассказывать, как они ходили на стройку и что там видели.

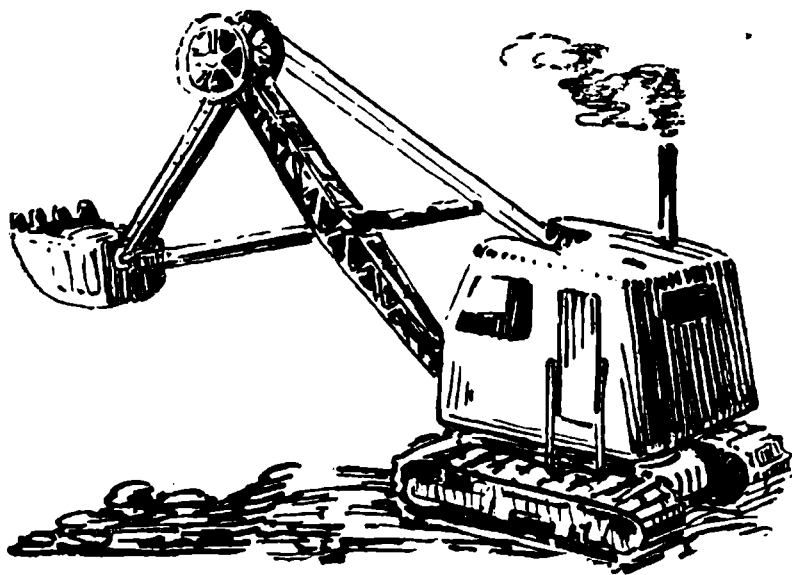
— Там был высокий-превысокий забор, — весело сказала Наташа Васюченко, блеснув своими чёрными глазами

из-под чёлки. — А за тем забором — огромная яма.

— Котлован, — поправил Наташу Серёжа Скворцов, самый рослый мальчик во всей старшей группе.

— Ну, пусть котлован, — согласилась Наташа. — А подъёмный кран рыл землю.

— Да что ты,

Наташа! — удивился Митя Мартынкин, рыженький мальчик в очках. — Серёжа, Наташа всё перепутала! Это была совсем другая машина. С ковшом. Она землю роет. Правда?

Серёжа кивнул головой.

— Э-эскаватор, — сказал он.

Он слышал это слово, когда был ещё совсем маленький и почти не умел говорить.

— А что мы увидели потом? — спросила Татьяна Ивановна. — Когда пришли на стройку ещё раз?

Наташа вскочила с места:

— Этот самый... эскаватор...

— Эскаватор, — поправил её Серёжа.

— ...поднимал и опускал плиты! — выпалила Наташа. — Большие-пребольшие!

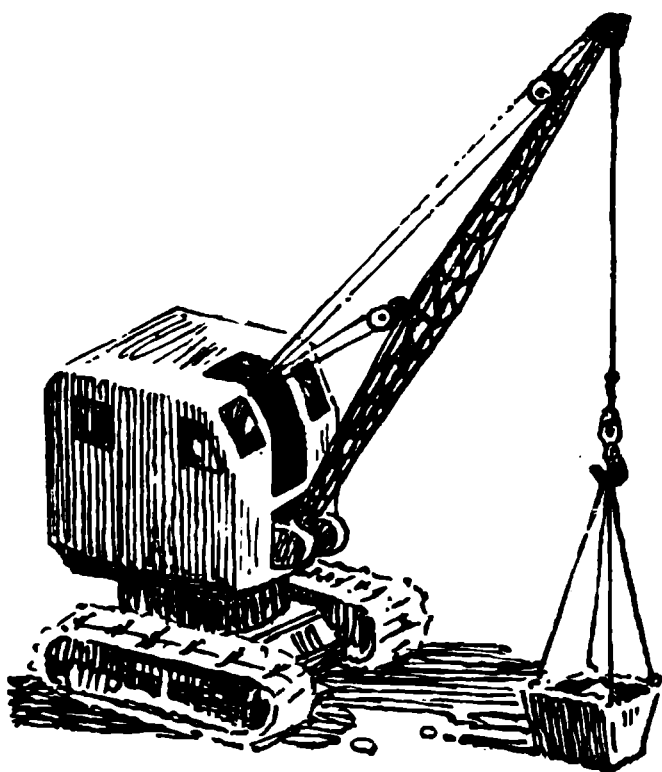
— Опять она всё перепутала! — возмутился Митя. — Не эскаватор подавал плиты, а подъёмный кран!

— Ну и пусть подъёмный кран, — спокойно сказала Наташа. Ей было всё равно, что как называется.

— А помните, — спросил Митя, — как было, когда мы в первый раз ходили на стройку? Было сухо-сухо. Подошвы так и постукивали!

— А когда ещё раз пошли, — сказала беленькая девочка, Лида Улитина, — то в одних сандалиях и носках. Пришли, а там уже два этажа. И дом прямо насквозь светится.

— Как это „насквозь светится“? — спросила новенькая девочка, Ляля Брайловская; она только вчера в первый раз пришла в детский сад.

— Внутри было пусто, — объяснила Лида. — Стёкол в окнах ещё не было.

— Правильно, — сказала Татьяна Ивановна. — Ты это хорошо заметила. А помните, как подъёмный кран ставил стены с оконными рамами?

— Помним, помним! — весело отозвались дети.

— А крыша уже была, когда мы пришли? — спросила Татьяна Ивановна.

— Была! — ничуть не задумавшись, ответила Наташа.

Митя от возмущения даже подскочил на стуле, а Лида всплеснула руками:

— Крыша?! Да что ты, Наташа! Опять ты всё путаешь! Крышу поставили потом. Без нас уже. Да, Серёжа?

Серёжа усмехнулся:

— Крышу ставят под самый конец. Сначала поставили стену с окнами, потом — с дверью...

— Я сперва никак не мог понять, — живо подхватил кудрявый круглолицый мальчик, — зачем там дверь? Высоко — на втором этаже — и без лестницы.

— Это дверь на балкон, — объяснил Митя. — Только балкона тогда ещё не было.

— Я потом и сам догадался, — сказал кудрявый мальчик. — А сначала подумал: как же из такой двери выходить? Прыгать вниз, что ли?

Все засмеялись.

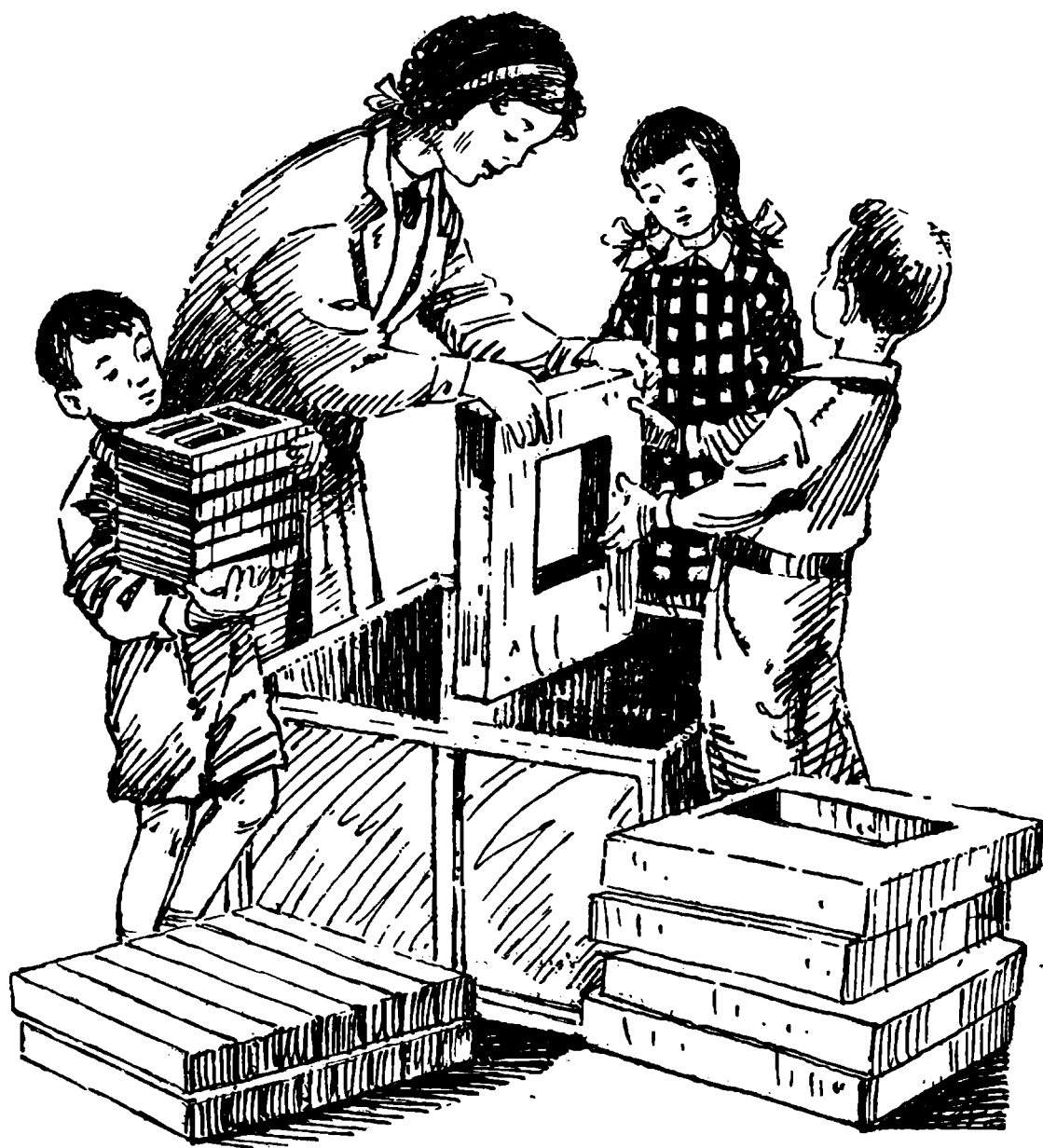
— Молодец, Толя! — сказала Татьяна Ивановна. — Хорошо рассказал. Всем даже весело стало. А ты, Алёша, хочешь что-нибудь рассказать?

Алёша, такой же кудрявый и круглолицый мальчик, как и Толя, пожал плечами и ничего не сказал. Он больше любил слушать других и думать.

— Это наши близнецы, Толя и Алёша, — шепнула Лида своей новой подружке, Ляле.

— Совсем одинаковые! — удивилась Ляля.

— Нет, не одинаковые, — сказала Лида. — У Толи около глаза родинка.

Татьяна Ивановна поглядела на девочек, и они сразу замолчали.

— Вот мы с вами всё и вспомнили, — сказала Татьяна Ивановна. — Сегодня мы после полдника гулять не пойдём, и у нас до ужина будет много свободного времени. Давайте построим дом. Такой же красивый и прочный, какой мы видели на стройке у Серёжиного папы. Как же мы будем строить? С чего начнём?

— Фундамент сделаем, — сказал Серёжа. — А потом стены поставим, а потом — крышу.

— А кто будет в домике жить? Как вы думаете?

— Куклы! — закричали Наташа и Лида.

— А когда мы начнём строить? — спросил Серёжа.

— А вот скоро и начнём, — ответила Татьяна Ивановна.

Она открыла крышку ящика и принялась доставать из него строительный материал, а дети начали расставлять всё на полу под окном. Чего-чего тут только не было! И гладко обструганные брёвнышки, и балочки, и бруски, и деревянные красные кубики, похожие на кирпичики, и даже целые стены с окошками и дверью! Татьяна Ивановна и сама с интересом всё разглядывала. Тоненькая и стройная, она была ещё такая молодая, что казалась детям большой девочкой. Её светлые волосы были туго заплетены в две косы, уложены корзиночкой и перевязаны белой, прозрачной лентой.

Взрослые называли её Таней, а дети — по имени-отчеству: Татьяна Ивановна.

Первое время, когда она поступила в детский сад на работу, ей самой было странно, что дети её так называют, и она даже немного краснела, но потом привыкла.

Уходя сегодня после обеда, другая воспитательница, Клавдия Николаевна, сказала:

— Танечка, если будет очень холодно, гулять второй раз не нужно. Пусть дети строят дом.

И Танечка даже обрадовалась, что дети будут строить дом. Ей и самой это было интересно.

Вечернюю прогулку и на самом деле пришлось отменить — был сильный мороз.

Татьяна Ивановна отодвинула в угол пустой ящик и сказала:

— Сейчас, ребятки, у нас будет полдник. А потом мы примемся за работу.

И все пошли мыть руки.

СТРОИТЕЛИ

— Серёжа, — сказала Татьяна Ивановна, после того как дети выпили по чашке молока, съели по булочке и дежурные убрали посуду, — собери свою бригаду. Приготовьте площадку для стройки. А девочки будут подвозить кирпичи для фундамента.

Все посмотрели на Серёжу. Он-то лучше всех умеет строить. Недаром его сделали бригадиром.

Серёжа быстро увёл свою бригаду готовить площадку на ковре, а девочки принялись за погрузку. И скоро к месту стройки двинулся большой голубой грузовик, нагруженный красными деревянными кирпичиками. Правда, грузовик этот пришлось подталкивать сзади, но всё равно он был совсем как настоящая трёхтонка. Посередине комнаты грузовик остановился, и Серёжа с мальчиками стал его разгружать.

— Этот домик где купили? — спросила Ляля Брайловская.

— Это пока ещё не дом, — сказал Серёжа, укладывая первый ряд кирпичей. — Это строительный материал. Его для нас в школе сделали.

— Как это — в школе? — не поняла Ляля. — В какой?

— В соседней, — сказала Татьяна Ивановна. — В этой школе есть столярная мастерская. Вот сами школьники нам всё это и смастерили. Ребята, а кто знает, чей папа там учит школьников столярному делу?

— Толин и Алёшин папа, — сразу ответили дети.

А Наташа сказала Ляле:

— Их папа и большие мальчики из школы нам всё это сами принесли и показали, как строить.

Ляля посмотрела на кудрявых братьев. Один из них, сидя на корточках, помогал Серёже укладывать фундамент, а другой молча наблюдал, как они работают.

— Где Алёша и где Толя? — спросила Ляля.

— Алёша — который сейчас нагнулся, — сказала Наташа, — а Толя стоит.

Мальчик, сидевший на корточках, поднял голову, и Наташа увидела, что у него около глаза родинка.

— Я вовсе не Алёша, я Толя, — сказал он, и все засмеялись.

Тем временем Серёжа и другие мальчики успели уложить два ряда кирпичей. Девочки подвезли новый груз. Близнецы, а вслед за ними и Митя Мартынкин подбежали и начали переносить кирпичи. Но тут Серёжа закричал им, вскакивая на ноги:

— Подождите! Мы совсем забыли — у нас же есть подъёмный кран!

И он бросился в другой угол комнаты, подвёз машину с подъёмным краном поближе и прицепил к крючку железный ковшик.

Дело пошло ещё веселее. Ребята нагружали ковш деревянными кирпичиками и по очереди крутили ручку.

Кран, совсем как настоящий, послушно поднимал ковш, потом опускал его и опрокидывал груз туда, куда было нужно.

Серёжа торопливо укладывал кирпичи ряд за рядом. Мальчики еле за ним поспевали.

— Серёжа, не торопись так, — сказала Татьяна Ивановна. — Работай спокойнее. Помнишь, что говорил Толин и Алёшин папа? Не надо спешить, а то получится не прочно. Работай спокойнее.

И Серёжа начал работать спокойнее. Тем временем грузовик привёз балочки для пола. Их пришлось перевязать верёвочкой по нескольку штук, и подъёмный кран перенёс их на стройку, зацепив крючком за петлю.

Серёжа вместе с другими мальчиками принялся укладывать балочки.

А грузовик подвёз на стройку стену с тремя окошками. Подъёмный кран ловко и умело поднял её с грузовика, зацепив за окошко, и осторожно опустил.

Началась установка стен.

— Уж если строить, так строить прочно! — говорил Серёжа, вставляя выступ в брёвнышке одной стены в выемку другой стены. — Вот как на стройке у папы. Его дома, наверно, тысячу лет простоят!

Серёжа приладил одну стенку к другой, взял в руки деревянный молоточек и как стукнет! Да не по дереву, а по пальцу.

Татьяна Ивановна сразу заметила и подбежала:

— Что, больно?

Серёжа поморщился:

— Немножко. Ничего... Татьяна Ивановна, посмотрите! Уже готовы две стены.

— Да, передняя и боковая.

И Татьяна Ивановна сама залюбовалась. Стены были светло-жёлтого цвета, и пахло от них свежим деревом. А тоненькие плёночки в окошках были прозрачные, как стекло...

— Совсем не маленький будет домик, — сказала Лида Улитина, становясь рядом со стенкой. — Мне до пояса. А с крышей будет ещё выше. Правда, Татьяна Ивановна?

— Да, — ответила Татьяна Ивановна, — с полметра будет, а то, пожалуй, и больше.

— Значит, наша Фиалка поместится в домике?

— Конечно, поместится, — сказал Серёжа. — Даже наш самый большой Мишка пролезет. Только не через дверь.

И Серёжа принялся ставить третью стенку. А Митя Мартынкин тем временем стал прилаживать к двери крылечко.

— А четвёртая стенка где? — спросила новенькая девочка Ляля.

— Четвёртой не будет, — ответила Лида. — Чтобы удобнее было играть.

И она подала Серёже потолок. Серёжа осмотрел его и осторожно накрыл им домик. В комнате кукольного дома сразу стало темнее и как будто тише.

— А теперь что нужно сделать? — напомнила Татьяна Ивановна.

— Перегородку поставить! — сказал Серёжа. — Тогда получатся две комнатки. А потом — крышу.

И работа опять закипела.

Девочки подавали мальчикам строительный материал. Дом рос прямо на глазах.

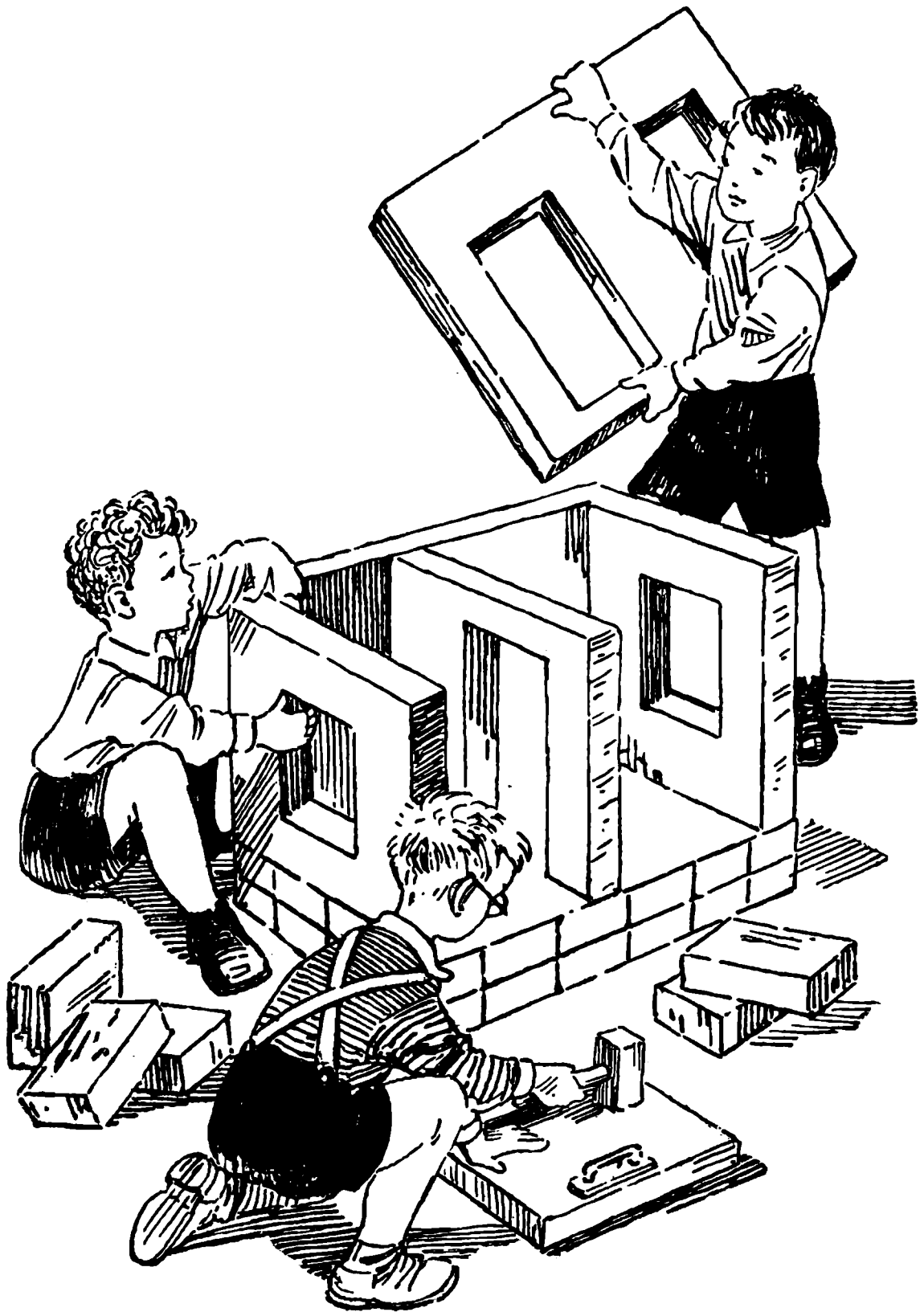
— Ой, как замечательно! — говорили, любясь домиком, девочки. — Куклы будут подниматься по ступенькам на крылечко и открывать дверь. Да, Серёжа?

Но Серёжа не отвечал. Ему было некогда. Он вдвигал пол, покрытый узорной клеёнкой.

Наташа запрыгала от радости:

— Какой красивый пол! Прелесть! Его можно будет мыть по-настоящему. Да, Татьяна Ивановна?

— Да, можно будет протирать мокрой тряпочкой, — сказала Татьяна Ивановна.

Девочки заглядывали в окошки, открывали и закрывали дверь.

— А какая кукла будет жить в домике? — не унималась Ляля.

— Наша самая красивая, — ответила Лида, — Фиалка. Это я придумала ей имя.

— А я ей придумала фамилию, — сказала Наташа. — Она теперь — Фиалка Еремеева.

Наташа подняла с игрушечного дивана, стоявшего на полу у окна, куклу в розовом платье, и та сразу же открыла свои синие стеклянные глаза.

— Вот смотри, Фиалка, — сказала Наташа. — Скоро ты получишь квартиру в новом доме. Смотри: три окошка, а внутри — две комнаты, коридорчик...

— Это не просто комнаты, — сказал Серёжа, — а жилые комнаты. И не коридорчик, а тамбур. Так мне папа объяснял, когда план рисовал для одного дома.

— Ой, как интересно! — ещё больше обрадовалась Наташа. — Фиалочка, ты рада, что у тебя будут жилые комнаты и тамбур?

Фиалка улыбалась. Наверное, она была рада.

— Мы к празднику тоже получили новую квартиру, — сказала Лида. — Мы новоселье справляли.

— Давайте и мы позовём к Фиалке гостей! — придумала Наташа. — Кукол! Можно, Татьяна Ивановна?

Татьяна Ивановна посмотрела на свои часики.

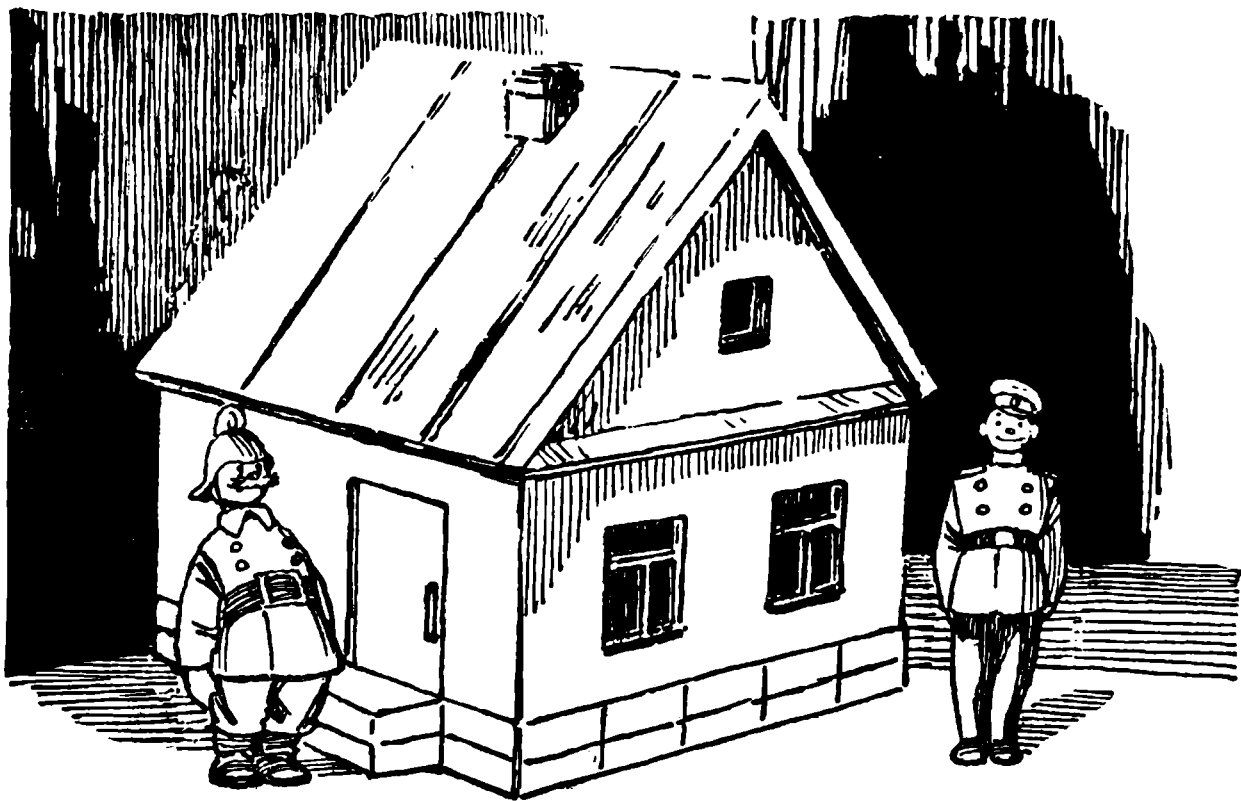
— Можно, — сказала она. — Ну как, Серёжа, дело подходит к концу?

— Всё! — весело ответил Серёжа. — Дом готов!

— Молодцы строители! — похвалила ребят Татьяна Ивановна. — Хорошо потрудились. Теперь можно и мебель перевезти. До ужина ещё есть время.

— А как же новоселье? — напомнила Наташа.

— Устроим и новоселье, — сказала Татьяна Ивановна.

НОВАЯ КВАРТИРА ФИАЛКИ ЕРЕМЕЕВОЙ

Мальчики поставили на большой деревянный грузовик кукольную мебель — диван, стол, стулья, буфет, кровать, коробку с кукольной посудой, — и грузовик тронулся в путь.

Девочки ждали машину возле домика.

— Ой, как интересно будет Фиалке смотреть из окошка! — сказала Ляля. — Тут будет как будто улица.

— А на улице пусть стоит милиционер, — придумала Наташа. — А около дома пусть ходит пожарный и смотрит, нет ли где-нибудь пожара.

Тут девочкам пришлось посторониться: на них чуть не наехал грузовик.

Мальчики-грузчики перетаскивали мебель на ту сторону дома, где не было стенки. А девочки-хозяйки расставили всё по местам: в одной комнате — диван, игрушечный

буфет с посудой, посередине — круглый стол и стулья. В другой комнате — кровать и шкаф для платья. А на скамейке возле дома, в садике, посадили куклу Фиалку Еремееву.

— Пусть дышит воздухом, — сказала Наташа.

А Лида заглянула в окошко и сказала:

— Как в домике уютно! Посмотри, Серёжа.

Но Серёжа был занят: он поправлял на голове у пожарного блестящую каску. В руках пожарный держал топорик.

Потом Серёжа заглянул в окошко. Там и на самом деле было очень уютно.

— Ну, ребятки, — сказала Татьяна Ивановна, — дом у вас получился прямо на славу. Берегите его, чтобы куклам жилось в нём хорошо.

— Куклам? — усмехнулся Митя Мартынкин. — Да ведь они ничего не понимают.

— Татьяна Ивановна, — сказала Лида, и голубые глаза её наполнились слезами, — почему Митя говорит, что куклы ничего не понимают? Мы же для них дом строили!

Но Татьяны Ивановны в комнате уже не было. Она куда-то вышла.

Наташа сердито посмотрела на Митю.

— Если тебе не интересно, — сказала она, — можешь не играть. Уходи!

— Мне строить было интересно, а не в куклы играть, — сказал Митя. — А захочу — и сломаю весь дом!

— Как это — сломаешь? — крикнул Серёжа. — Ты не один строил. Все строили!

И дети заговорили наперебой:

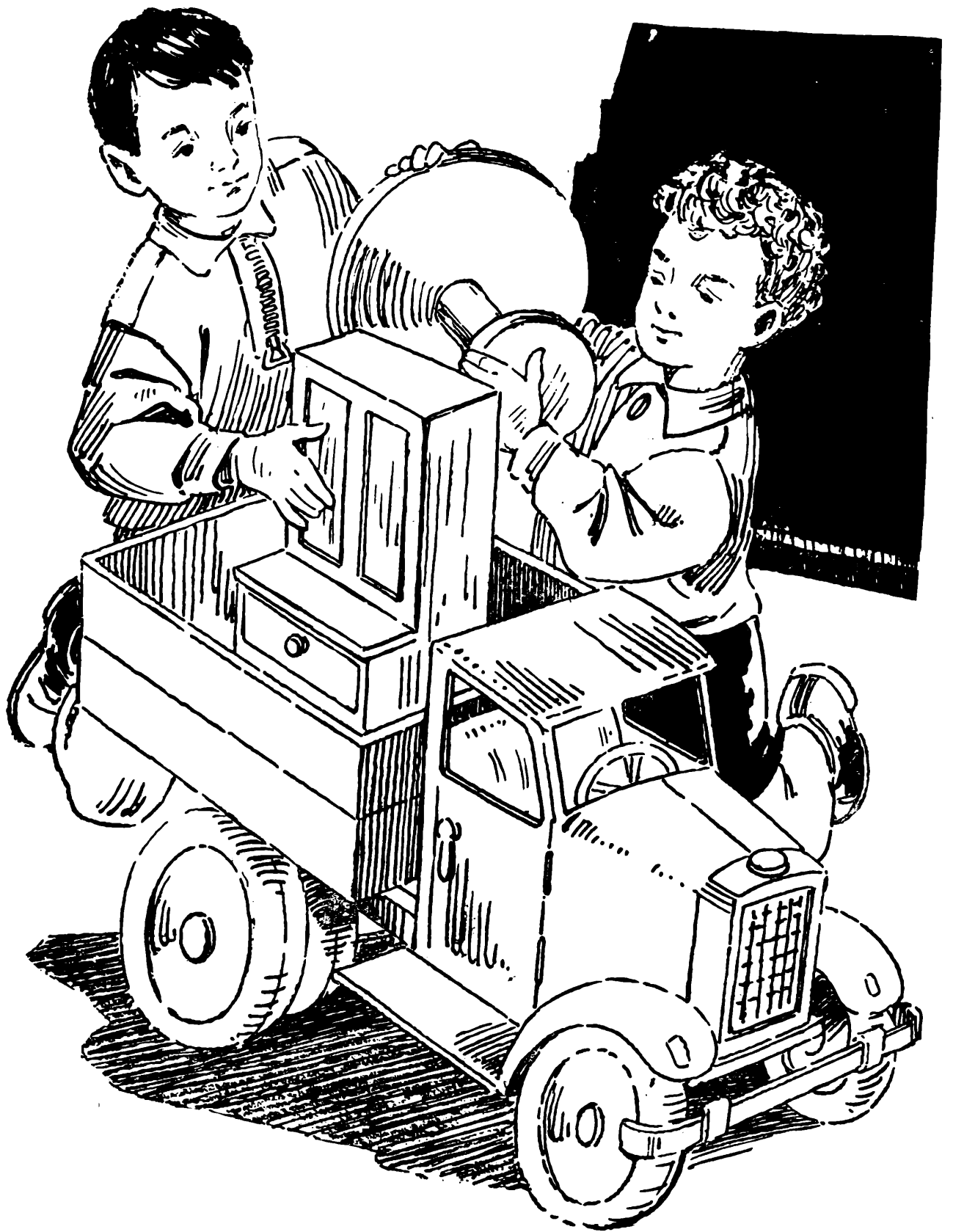
— Разве ты главный?

— Серёжа главный!

Митя покраснел:

— А я как толкну ваш дом, он и повалится...

— Только тронь! — закричали ребята. — Мы тебе зададим!

Митя растерялся. Не успел он придумать, что ещё сказать, как Наташа побежала за Татьяной Ивановной.

— Что у вас случилось? — спросила она, подойдя к ребятам.

— Ничего не случилось, — сказал Митя и покраснел.

— Как это „ничего не случилось“! — возмутилась Наташа. — А кто сказал: „Захочу — и сломаю весь дом“?

— Я пошутил, а она уже побежала жаловаться, — сказал Митя и ещё больше покраснел. — У, ябеда-калябеда!

Наташа обиделась:

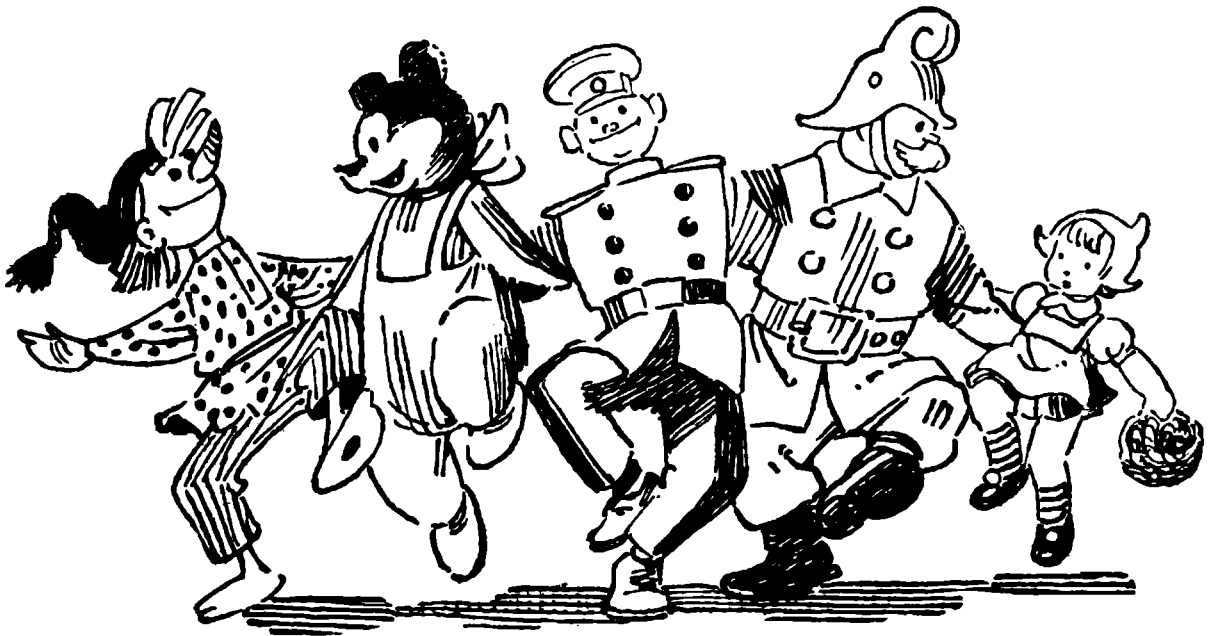
— Никакая я не ябеда-калябеда, а ты в другой раз так не шути!

Татьяна Ивановна подумала и сказала:

— Наверно, он и правда пошутил. Серёжа и Митя, пойдёте за угощением для кукол.

И вместе с мальчиками она пошла вниз, на кухню.

НОВОСЕЛЬЕ

Лида присела на корточки возле кукольного дома и достала из игрушечного буфета блюдца, чашки и тарелочки.

— А к Фиалке кто придёт в гости? — спросила Ляля

— Красная Шапочка, — ответила Лида.

— И ещё пусть Петрушка придёт, — сказала Наташа. — Он весёлый.

— И пожарный пускай придёт, — предложил Толя.

— И милиционер, — добавил Алёша.

А Лида сказала:

— Пусть каждый кого-нибудь приведёт, а я буду угощать. Сперва ты, Наташа, приведи Красную Шапочку. Ты постучишь в дверь домика и скажешь: „Тук-тук“. Фиалка как будто спросит: „Кто там?“ Ты скажешь: „Это я, Красная Шапочка“. Фиалка спросит: „Откуда?“ Красная Шапочка скажет: „Из лесу. От бабушки“. Фиалка скажет: „Трик-так“, — и Красная Шапочка войдёт.

— А что это такое „трик-трак“? — спросила Ляля.

— Это значит — можно войти. Как будто щёлкнул ключ в двери.

— Хорошо, — сказала Наташа. — Только пусть лучше будет наоборот. Ты постучишь за Красную Шапочку и скажешь: „Тук-тук“. Я спрошу: „Кто там?“ Ты скажешь: „Красная Шапочка“. Я скажу: „Трик-трак“, — и открою дверь. Да, Лидочка?

— Ну нет! — покачала головой Лида. — Ишь, какая хитрая! Я первая придумала, я и буду за Фиалку всё говорить и гостей угощать. А ведь, приводить их тоже очень интересно.

Наташа согласилась и взяла Красную Шапочку, Толя взял пожарного, Алёша — милиционера.

— Ещё рано! — крикнула Лида. — Угощение не готово! Нельзя ещё в дом входить.

Лида накрыла столик белой салфеткой, а Наташа и Ляля принялись перетирать чайный сервиз. Чашечки были чуть чуть побольше напёрстка, а блюда — с большую пуговицу.

Потом Лида подняла Фиалку со скамеечки, причесала её, заплела косички и посадила в кукольном доме.

В это время из кухни пришли Татьяна Ивановна, Серёжа и Митя. Мальчики принесли пирог и ватрушку, а Татьяна Ивановна — чай в настоящем фарфоровом чайнике.

Лида разрежала ватрушку и стала разливать чай.

Но вот к домику начали подходить гости.

— Тук-тук! — сказала Наташа, подводя Красную Шапочку к дверям.

— Трик-трак! — ответила Лида.

Красная Шапочка пришла первой. Она принесла в подарок Фиалке корзинку, а в корзинке — красные, как ягоды, конфеты.

Потом сразу же пришёл Петрушка и принёс пуговицу. Другого подарка у него не нашлось.

Пришёл плюшевый Мишка и принёс целую кучу серебряных бумажек.

Пришли ещё две резиновые куклы-физкультурницы и принесли катушку без ниток.

А потом, громко топая сапогами, к домику подошёл пожарный. Привёл его один из близнецов. Он поставил пожарного на крышу.

— Сними его! — сказала Лида. — Слышишь, Толя? Крышу нельзя трогать! Она может свалиться. И вообще гости на крыше не стоят.

— Я не Толя, я Алёша, — сказал мальчик, продолжая возиться с пожарным, который никак не желал стоять на покато́й крыше.

— Нет, ты не Алёша, а Толя! — рассердилась Лида. — Правда, Татьяна Ивановна? Вон и родинка возле глаза! Ты всегда всё на Алёшу сваливаешь!

— Ну ладно, — сказал Толя, снял пожарного с крыши и, почистив рукавом каску, постучал в дверь:

— Откройте скорее! Дайте пожарному чаю.

Дверь открылась.

Толя посадил пожарного за стол, а Лида дала ему чашечку чаю и пирога на тарелочке.

Потом Серёжа привёл милиционера, и его тоже угостили чаем.

После чаепития Татьяна Ивановна взяла в руки Петрушку, Лида — Фиалку, Наташа — Красную Шапочку, Серёжа — милиционера, Толя — пожарного, и куклы пошли плясать около домика. А Ляля, Алёша и другие ребята уселись перед кукольным домом на ковре и стали смотреть, как пляшут куклы.

Один только Митя Мартынкин не захотел праздновать кукольное новоселье. Он убежал в другой конец комнаты, взял с этажерки большую книжку с цветными картинками и принялся внимательно их рассматривать.

А у кукол шло веселье.

Лучше всех плясал Петрушка. Он и головой кивал,

и в ладоши хлопал, и ногами болтал. Кисточка на его колпаке так и прыгала.

А Татьяна Ивановна, вся покрасневшая, пела такую песенку:

— Ну, Петрушка, отвечай:
Где вы, куклы, пили чай?
— Чай мы пили за столом.
— С чем вы пили?
— С пирогом.
Съели по ватрушке,
Выпили по кружке,
А потом пустились в пляс.
Вот как весело у нас!

И правда, всем было очень весело.

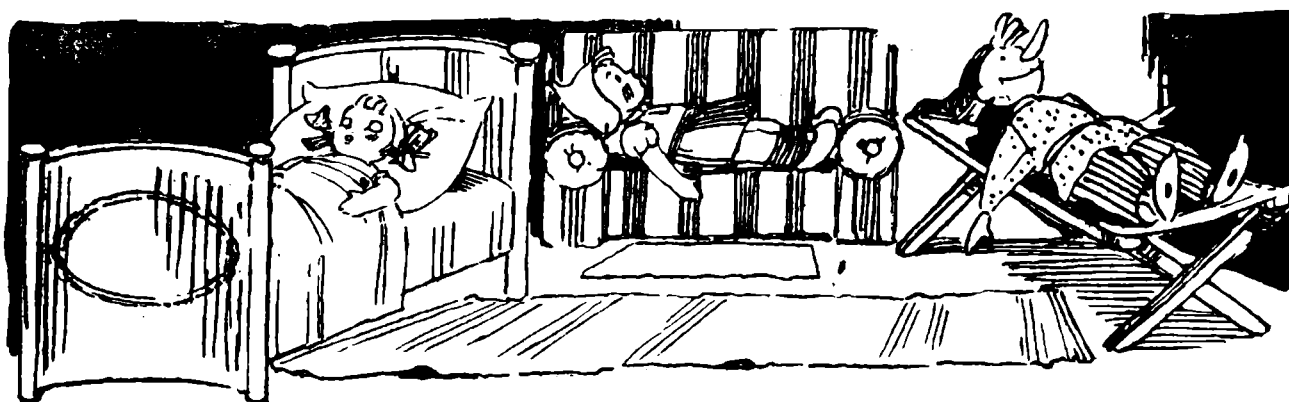
Наконец Татьяна Ивановна посадила Петрушку и сказала:

— Вот куклы и отпраздновали новоселье. Нужно дать им отдохнуть.

Дети поставили пожарного у крылечка, милиционера — около дома, а кукол уложили спать: Фиалку — на кровать, Красную Шапочку — на диван, Петрушку — на раскладушку, и спели им на прощание песенку:

Баю-баю, спать пора,
Спите, куклы, до утра.

И в новом кукольном доме стало совсем тихо.

ПЕРЕД СНОМ

Тихо стало и в комнате старшей группы. Ещё до ужина Серёжа Скворцов, Ляля Брайловская и некоторые другие ребята ушли домой, и комната опустела. Сразу стало так тихо, как будто ушли все.

За окнами темнело небо.

Лида подошла к окну и задумалась.

— Что, Лидуша? — ласково спросила её Татьяна Ивановна.

— Темно... — грустно сказала Лида.

— Да что ты, Лидочка? — удивилась Татьяна Ивановна. — Разве у нас темно? Смотри, как ярко горят лампы!

— На улице темно... — сказала Лида.

— А это только так кажется.

Татьяна Ивановна повернула выключатель на стене, и в комнате погас свет, но зато на улице как будто стало

светлее. Осветились покрытые снегом деревья на бульваре. Ещё ярче показались Лиде большие матовые шары фонарей на высоких столбах, ещё ярче — фары автомобилей, которые мчались вдоль бульвара...

Татьяна Ивановна опять повернула выключатель, и вспыхнувший в комнате свет словно сгустил темноту неба. На улице как будто стало темнее.

— Я ещё никогда не ночевала в детском саду, — проговорила Лида. — Я ещё не была ночная. Я всегда была дневная.

— Да, Лидочка, — сказала Татьяна Ивановна, — ты до сих пор бывала в детском саду только днём, а ночевала дома, а теперь и ночевать будешь в детском саду. Как Наташа, Митя и другие дети. А на воскресенье будешь, как и они, уходить домой. Ты ведь знаешь, что твоя мама теперь работает по сменам.

У Лиды задрожали губы:

— Мне будет скучно спать без мамы...

— Не будет скучно! — раздался весёлый голос Наташи. — Татьяна Ивановна побудет с нами, пока мы не уснём. Правда, Татьяна Ивановна?

— Ну конечно, побуду, — ответила Татьяна Ивановна. — А потом придёт ночная няня.

— А сейчас можно нам сбегать на минуточку в живой уголок? Интересно, что делает ночью наш кролик?

— Хорошо, но только на минуточку.

Наташа и Лида побежали в маленькую комнату, где помещался уголок природы.

Там уже был один из близнецов. Он стоял возле аквариума и молча смотрел на рыбок. Рыбки плавали медленно и сонно, чуть шевеля золотыми плавниками.

— Толя, — сказала Наташа, — я сначала подумала, что ты Алёша.

— А я и правда Алёша, — усмехнулся мальчик.

— Ну конечно, Алёша, — подтвердила Лида. — У него родинки нет и он очень любит на рыбок смотреть.

— И кормить люблю, — сказал Алёша. — И кролика люблю кормить, и снегиря.

В клетке, за густой проволочной решёткой, сидел, сгорбившись, кролик. Уши лежали у него на спине и совсем потонули в белой пушистой шубке.

— Давай его покормим, — сказала Наташа.

— Не надо, — сказала Лида. — Кормить будем завтра.

— А я хочу сегодня! Сейчас!

Лида взяла её за руку:

— Не надо его будить! Уйдём лучше.

Алёша подошёл и посмотрел на кролика.

— Пусть себе спит. И рыбки пусть спят.

Он встал на стул, погасил свет, и все вышли из комнаты.

А Наташа сказала:

— Я сейчас приду! — и побежала по коридору.

— Наташа, куда ты? — крикнула ей вслед Лида.

— Посмотреть, спят ли куклы, — ответила Наташа.

В кукольном доме было всё так же тихо. Пожарный стоял у крылечка, милиционер — возле дома, а в комнатах спали Фиалка, Красная Шапочка и Петрушка.

„Наелись пирога и спят, — подумала Наташа. — А всё-таки жалко, что кролика не покормили перед сном“.

И ей захотелось ещё раз заглянуть в живой уголок.

Она с шумом распахнула дверь, зажгла свет, потом просунула палец сквозь проволочную решётку и пощекотала кролику нос. Кролик вздрогнул и зашевелился.

— Проснулся? — спросила Наташа. — Ну, вот и молодец! Чем бы тебя покормить?

Наташа посмотрела по сторонам и подбежала к окну. На подоконнике рос в горшке высокий куст дикого винограда. В один миг она общипала куст, открыла клетку и бросила кролику целую горсть листьев:

— Ужинай!

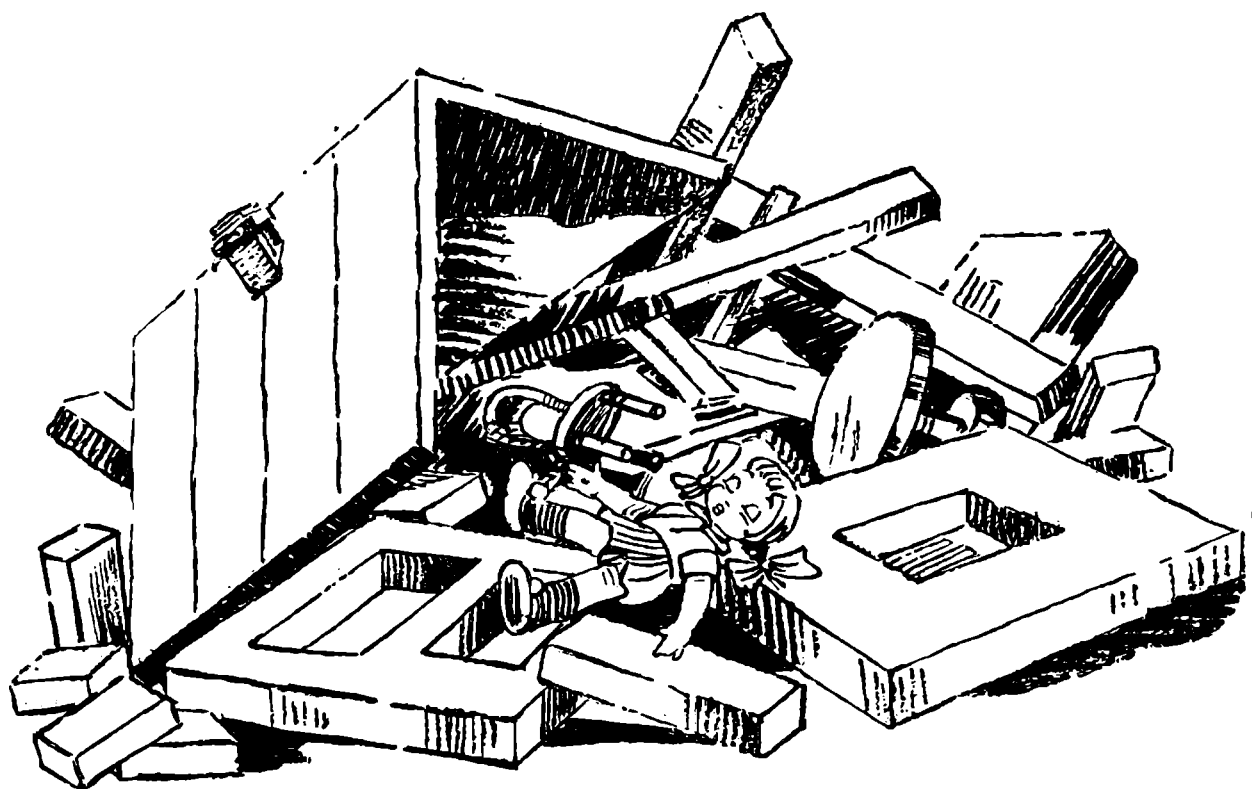
Кролик понюхал виноградные листья и стал быстро уплетать их, двигая носом.

— А теперь спи! — и Наташа побежала в спальню.

Клетка осталась открытой. И дверь в коридор тоже...

Все скоро уснули, и никто не слышал, как в дверь комнаты, где стоял кукольный домик, кто-то тихонько прошмыгнул. Это был запоздалый гость, которого никто не звал и никто не ждал. В три прыжка очутился он возле домика, и в то же мгновение раздался грохот!..

Если бы куклы могли закричать, они закричали бы изо всех сил, позвали бы на помощь, но они не могли позвать на помощь — ведь это были только куклы! И никого не было рядом, кто бы их защитил.

КТО ВИНОВАТ?

Наутро, ещё до завтрака, Лида первая побежала в комнату старшей группы. Ей хотелось поскорей посмотреть на кукольный дом. Она вбежала — и остановилась. Что такое? Вместо дома — одни только развалины, а под рухнувшими стенами лежит с закрытыми глазами Фиалка.

Лида подняла Фиалку, но глаза у куклы не открылись. Лида тряхнула её, но это не помогло. Пожарный тоже лежал на полу. Он был без каски, а из головы у него торчала пакля.

— Наташа! — закричала Лида, — Толя, Алёша!.. Скорей сюда! Что тут случилось!

Дети вбежали в комнату, да так и ахнули: кукольный дом разрушен, всё перевёрнуто вверх дном!

— Татьяна Ивановна! — закричала Лида. — Идите скорее!

Татьяна Ивановна прибежала. Увидя развалины, она даже руками всплеснула.

— Это не я! — проговорила Лида.

— Я понимаю, что не ты, — сказала Татьяна Ивановна. — А кто?

Все посмотрели друг на друга. Прибежали и „дневные“ дети, румяные от мороза, — Серёжа, Володя, Ляля...

— Как жалко! — вскрикнул Серёжа. — Строили, строили... Ой, смотрите! Окошко сломано! И дверь!

— У Фиалки глаза не открываются! — сказала со слезами в голосе Лида. — Вся посуда разбита! Кто всё это наделал?!

Все опять молча переглянулись.

— А что, если это... Митя? — осторожно спросил Серёжа и сам смутился.

— Да, да, это наверно он! — сразу же уверенно подхватила Наташа. — Помните, он говорил: „Захочу — и сломаю“?

— Так он же тогда не сломал, — заступилась за Митю Лида. — Он сказал: „Я пошутил“.

— „Пошутил“! — повторила Наташа. — А играть с нами не захотел! Вот и теперь не торопится из спальни.

— Ну, давайте спросим у него самого, — сказала Татьяна Ивановна.

Дети побежали искать Митю.

— Митя, где ты?

Он выбежал из спальни.

— Долго же ты одеваешься, — сказала Татьяна Ивановна.

— Ботинки никак не зашнуровывались, — стал оправдываться Митя. — Железки от шнурков выпали.

— Иди, иди-ка сюда!.. Какие ещё там железки? — сказала Наташа.

Дети повели его к сломанному дому.

— Ты зачем дом сломал? — сердито спросил Серёжа.

Митя удивлённо заморгал своими рыженькими ресницами.

— Когда?

— Сам знаешь, когда.

— Я не ломал. Я спать лёг раньше всех.

— А почему ты грозился, что сломаешь? — накинулась на него Наташа.

— Я пошутил, — хмуро произнёс Митя, и лицо его залилось краской. — Я не ломал!

Татьяна Ивановна посмотрела на него и сказала:

— Митя говорит правду. Он не ломал. Я верю ему.

— А он же хотел сломать, — настаивала Наташа.

— Он не хотел. Он это сказал сгоряча, — объяснила Татьяна Ивановна, — а ломать и не собирался.

Митя благодарными глазами посмотрел на Татьяну Ивановну:

— Стану я ломать! Ведь я тоже строил! А они все на меня!

— Ну ничего, Митя, — сказала Наташа, — мы возьмём и новый дом построим.

Серёжа посмотрел на слишком беззаботную Наташу.

— Тебе всё „ничего“! — возмутился он. — Ты не строила, тебе и не жалко.

И все тоже рассердились на неё. Легко сказать: „построим“, а вот попробуй-ка, построй!

Наташа нахмурилась.

— Я тоже строила! — сказала она. — Кирпичи подвозила. И ничего страшного нет. Можно дом собрать снова.

— „Снова“! Собери, когда дверь сломана! — ещё больше огорчился Серёжа. — И окно! — Он нагнулся и поднял с полу пожарного. — Смотрите — и каски нет! Какой же это теперь пожарный — без каски? Из головы пакля торчит!

— Ничего, — успокоила его Наташа, — мы наденем на него платье, платочек на голову, и он будет тётенька.

— Да, „тётенька“! — вконец расстроился Серёжа. — У него лицо не тёткино. У него усы!

— Успокойся, Серёжа, — сказала Татьяна Ивановна. — Мы найдём каску. Не могла же она совсем пропасть. Давайте посмотрим, нет ли тут каких-нибудь следов. Может быть, мы тогда поймём, кто здесь побывал.

Дети разбежались по комнате и начали пристально всё осматривать. Особенно внимательно разглядывал пол и всё вокруг Митя.

— Есть следы! — крикнул он первый и поднял с полу Петрушку. К лохматым Петрушкиным волосам пристала лёгкая белая пушинка.

— А вот и ещё следы! — закричал Серёжа. — Какие-то пятнышки на полу...

Все посмотрели. На полу и правда виднелись какие-то красноватые пятнышки.

— Это капельки крови, — сказала Татьяна Ивановна. — Давайте посмотрим, куда ведут эти следы.

Все пошли по следам. Посередине коридора Серёжа остановился и крикнул:

— А вот и каска!

И он поднял с полу помятую каску с оборванным ремешком.

— Кто же это сделал? — спросил Серёжа.

— Увидим, — сказала Татьяна Ивановна.

И все пошли дальше.

— Вот и здесь пятнышки на полу! — закричал Митя. — Капельки крови... Около самого живого уголка!

Дверь в живой уголок была открыта настежь. Возле клетки сидел белым комочком кролик и грыз виноградный листок. Услышав шаги, он сразу отскочил в угол и притаился, держа на весу правую переднюю лапку.

Лида осторожно подошла к нему, приподняла и вдруг увидела на подошве лапки, на подушечке, большую розовую царапину.

— Вот откуда кровь! — так и вскрикнула она. — Татьяна Ивановна, кролик порезался! Кролинька, бедный...

— Не кролинька, а кролька противный! — рассердилась Наташа. — Значит, это он всё натворил?

— Какой озорной! — закричал Серёжа. — Это он забрался в кукольный дом!

— А как же он мог попасть в нашу комнату? — спросила Татьяна Ивановна. — Значит, клетка была открыта? И дверь в коридор тоже?

Все удивлённо переглянулись. Только Наташа ни на кого не смотрела. Она подошла к аквариуму и прижалась носом к стеклу.

А Серёжа сказал:

— Смотрите — на винограде листья оборваны!

Все посмотрели и ахнули: куст был совсем голый, без единого листочка.

— Неужели это тоже кролик сделал? Общипал весь куст? — закричали дети. — Надо его проучить!

Лида прижала кролика к себе:

— Не трогайте его! Всё равно он ничего не поймёт. Он же глупенький. Давайте сделаем ему перевязку.

— Не надо, — сказала Татьяна Ивановна, — у него лапка и без перевязки заживёт. Посадите-ка его лучше в клетку и дайте ему отдохнуть. Видите, как он дрожит. А нам нужно позавтракать и привести всё в порядок — игрушки и строительный материал.

— А Фиалка так и останется с закрытыми глазами? — спросила Лида.

— Не знаю, — ответила Татьяна Ивановна. — Отнесём в мастерскую, а там скажут, можно её починить или нет.

— А с разбитой посудой что делать? — спросила Ляля.

— С осколками? Придётся их выбросить.

— Ой, выбросить! — огорчилась Лида. — Уже нельзя будет куклам пить чай из чашечек!

— А окошко и дверь? — спросила Ляля. — Их тоже придётся выбросить?

— Нет, что ты! — ответила Татьяна Ивановна. — Постараемся их склеить.

— А если нельзя будет склеить, — спросил озабоченно Митя, — тогда нельзя уже будет построить дом?

Татьяна Ивановна пожала плечами:

— Какой же это будет дом со сломанным окном и дверью? Да, ничего не поделаешь... Но кто же был в живом уголке? Кто открыл клетку? Как по-вашему?

— Да, кто, кто? — с отчаянием сказала Лида.

Серёжа обвёл глазами всех ребят:

— Кто виноват, пусть сам скажет!

Но все молчали.

Наконец Татьяна Ивановна прервала молчание:

— Ребята, об этом мы ещё поговорим. Дежурные, идите накрывать на стол. Сейчас принесут завтрак, а у нас ничего не готово. Кто у нас дежурные?

— Я! — сразу отозвался один из мальчиков, Володя Михайлов, и выбежал из живого уголка.

— Наташа, а что же ты не идёшь? — напомнила Татьяна Ивановна. — Ты тоже сегодня дежуришь.

Наташа неохотно повернулась и медленно вышла из комнаты.

Лида посадила кролика на мягкое сено, Серёжа закрыл дверцу, и все пошли мыть руки и завтракать.

ДЕЖУРНЫЕ

Володя спокойно и деловито накрыл столики скатертями, а Наташа вынула из буфета тарелку с ложками и сразу всё опрокинула. Ложки, бренча, рассыпались по полу.

Володя бросился их подбирать, и тут из его карманов посыпались какие-то железки, кусочки проволоки, винтики...

К Володе подбежал Серёжа.

— Откуда у тебя всё это? — спросил он.

— Нашёл... Я люблю собирать разные штучки.

— А зачем?

— Ну как это „зачем“? — ответил Володя. — Так.

— Как „так“? — удивился Серёжа. — Это знаешь какие полезные вещи? Из них в мастерской чего только не сделаешь!

— В какой мастерской? — спросил Володя.

— А вот приходи ко мне в гости, я тебе всё покажу. Придёшь?

— Приду! — обрадовался Володя.

И, подумав немного, добавил:

— Если мама пустит.

— Ну, дежурные, что же вы? — напонила Татьяна Ивановна. — Теперь придётся ложки переменить. А ты, Наташа, в другой раз так не спеши. Делай всё спокойно.

Но делать всё спокойно Наташа почему-то сегодня не могла. Дежурить она всегда очень любила. Ей нравилось надевать фартучек, брать из рук няни тарелку, от которой так хорошо пахло горячей кашей с маслом или горячей котлетой, и обносить всех ребят. Но сегодня трудился только Володя, а Наташа еле-еле за ним поспевала.

А когда на занятиях по письму все стали писать в маленьких тетрадках слова „папа“ и „мама“, у Наташи получилось „пама“ и „мапа“.

За обедом она опять дежурила совсем плохо, а когда села за стол, задумалась с ложкой в руке.

— Тебе, может, нездоровится? — спросила Татьяна Ивановна. — Болит что-нибудь?

— Ничего не болит, — тихо сказала Наташа и низко опустила голову.

Татьяна Ивановна посмотрела на неё внимательно:

— Что-то ты сегодня сама не своя... Будто тебя подменили.

К концу обеда, когда все уже доедали компот, в комнату вошла Клавдия Николаевна.

Обычно воспитательницы сменяли одна другую позднее — в то время, когда дети отдыхали после обеда. Но сегодня Клавдия Николаевна пришла почему-то раньше. Наверное, хотела спросить что-нибудь о детях у Татьяны Ивановны.

И на самом деле, она поздоровалась со всеми и спросила:

— Ну, что у нас нового?

— У нас неприятность, Клавдия Николаевна, — сказала Татьяна Ивановна. — Вчера вечером дети построили очень хороший дом, а утром мы пришли и видим — дом разрушен.

— Как же так? — удивилась Клавдия Николаевна. — Кто же мог его разрушить?

— Мы сначала и сами не знали. Никак не могли понять, кто это сделал, а потом догадались. Это кролик.

— Кролик? — ещё больше удивилась Клавдия Николаевна.

— Да, подумайте только! И к тому же он объел в живом уголке листья дикого винограда.

— Вот так так! — сказала Клавдия Николаевна и покачала головой. — Значит, кто-то был в живом уголке и открыл клетку?

— Я был, — растерянно проговорил Алёша и посмотрел прямо в глаза Клавдии Николаевне. — Перед сном. Но я не открывал клетку. Зачем мне было её открывать? Ведь кролик спал...

— И мы с Наташей были, — оглядываясь на Алёшу и Наташу, сказала Лида, — но мы тоже не открывали клетку. Может быть, это дети из средней группы открыли?

Клавдия Николаевна нахмурилась:

— Хорошо, я узнаю, были вечером там другие дети или нет. Но всё равно, дежури́м в живом уголке и отвечаем за него мы. И мы не сумели уследить за кроликом. Значит, лучше нашей группе не ходить в живой уголок.

— Как — не ходить?! — испуганно спросила Лида. — А кто же будет кормить кролика?

— А снеги́ря и золотых рыбок? — спросил Алёша, и голос у него задрожал.

— А лягушек? — спросил Митя Мартынкин.

— Их будут кормить средние и маленькие.

— Малыши будут, а мы не будем? — сказала Лида и собралась уже заплакать. — А виноград? Он у них засохнет! Мы его так берегли!

— А чему там сохнуть? — спросил Митя. — Кролик все листья оборвал.

Татьяна Ивановна смотрела попеременно то на детей, то на Клавдию Николаевну. Она была тоже очень смущена и расстроена — ведь это она вчера вечером оставалась с детьми и недосмотрела.

Стало совсем тихо. И тут Наташа подняла голову и сказала, нахмурившись:

— Это не кролик! Это я оборвала листья. Я оборвала, а он съел.

Все обернулись к ней.

— Значит, это ты открыла клетку? — спросила Клавдия Николаевна. — И дверь в коридор тоже ты?

— Тоже я! — твёрдо сказала Наташа.

— Так я и знала! — вырвалось у Лиды. — Кролик не виноват. Это Наташка во всём виновата!

Митя даже как будто обрадовался:

— Ага, ага! Вот видите? А говорили на меня!

Наташа сидела вся красная и теребила край своего фартучка.

— Наташа, как же ты могла так сделать? — спросила Клавдия Николаевна, глядя на девочку с упрёком и огорчением. — Одно только хорошо, что ты сама сказала правду. За это тебя можно простить.

Наташа не поднимала головы.

Все тоже сидели молчаливые, притихшие.

— А теперь пора вам отдыхать, — напомнила Клавдия Николаевна. — Дежурные, принимайтесь за работу!

Наташа и Володя собрали посуду и отнесли её на столик возле буфета, а потом сняли свои фартучки.

Все пошли в спальню. Она была похожа на застеклённую веранду — так много было в ней окон. Кроватки стояли в два ряда, а в проходе между ними выстроились складные стулья. Дети быстро разделись, повесили одежду на спинки стульев и, надев тёплые полосатые пижамы, улеглись.

За стёклами широких окон чуть покачивались ветки, покрытые снегом. Ветки слегка постукивали в стёкла, словно кончиками пальцев, и как будто говорили:

„Кто там не спит? Кто? Кто?..“

А не спала Наташа.

Она думала о том, что случилось вчера вечером.

Она прикладывала ладони к щекам и повторяла про себя:

„Ох, что я наделала! Что наделала! И куст общипала, и кролика выпустила!.. А всё-таки интересно, что подумали куклы, когда кролик забрался прямо к ним в дом? Вот, наверно, испугались!“

Но о том, что произошло ночью в кукольном доме, могли бы рассказать только Фиалка Еремеева и её гости. И даже не все, а лишь самые храбрые и мужественные из них — милиционер и пожарный.

О ЧЁМ МОГЛИ БЫ РАССКАЗАТЬ КУКЛЫ

Было тихо-тихо. Все давно спали.

И вдруг под окошками нового дома появился страшный зверь, весь обросший белой шерстью.

Глаза у него были красные.

Уши длинные.

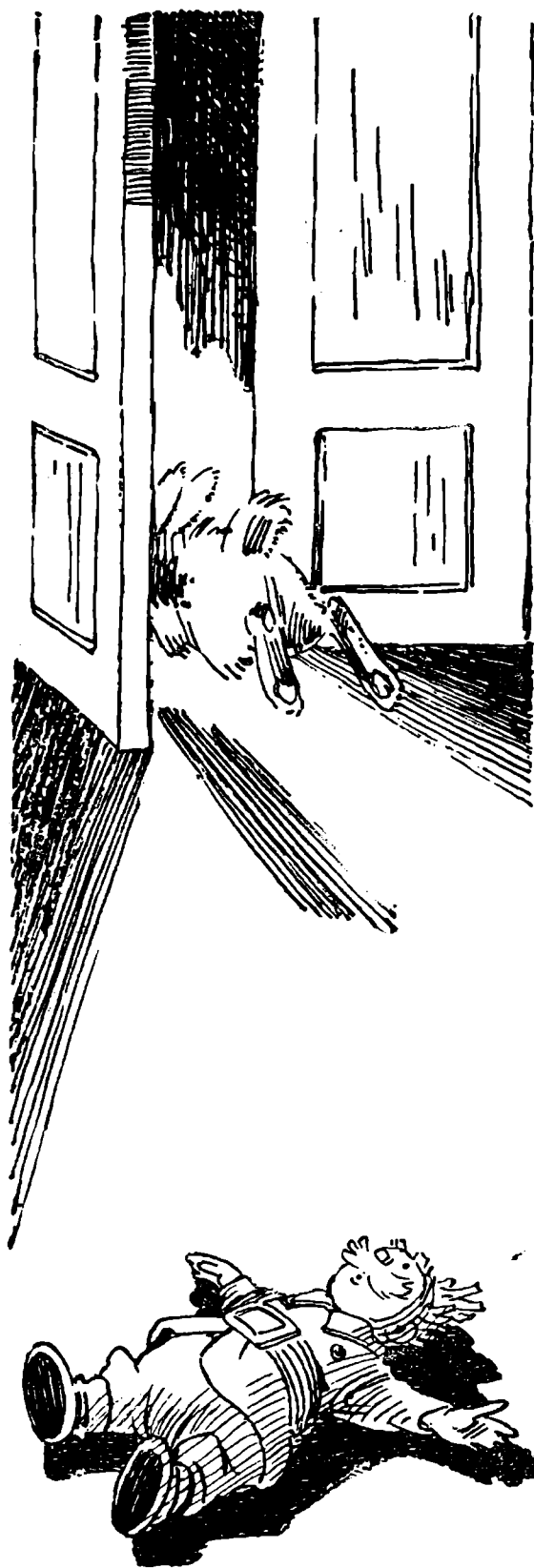
Белые усы топорщились. На лбу росли длинные белые волосы, острые, как иголки.

Зверь стоял возле самого дома, у окошка, и двигал носом. Фиалка смотрела на него широко открытыми стеклянными глазами.

Красная Шапочка тоже смотрела на него с ужасом.

Если бы только Фиалка и Красная Шапочка умели кричать, они закричали бы изо всех сил:

„Девочки! Мальчики! К нам страшный зверь пришёл! Спасите нас! Спасите! Спасите!“

Но Фиалка и Красная Шапочка не могли закричать, не могли позвать на помощь. Ведь они были только куклы.

Пожарный молча таращил на зверя свои блестящие, как пуговицы, глаза. Жалко, что он не мог замахнуться на зверя топориком.

И даже милиционер, стоявший возле дома, ничего не мог сделать. Револьвер у него был не настоящий и свисток не настоящий, да и сам он был игрушечный.

А зверь-то был живой!

Он притаился возле дома и вдруг как прыгнет прямо в комнату! Дом пошатнулся, заходил ходуном. Затряслись окна и дверь, задрожали стены. Упала стена с окошком, и вся постройка рухнула! Пожарный покачнулся и упал. Каска покатилась по полу. Фарфоровые блюдца и чашечки разлетелись в разные стороны и разбились вдребезги. Свалился со столика цветок в глиняном горшочке.

Кровать, на которой лежала Фиалка Еремеева, перевернулась, и Фиалка полетела в глубь развалин. В голове у неё что-то щёлкнуло, и синие стеклянные глаза её закрылись навсегда.

Но белому зверю не было до неё дела.

Осколками посуды зверь порезал себе лапу. Он постучал раненой лапой по полу, облизал её и начал подбирать с полу крошки пирога. А потом подобрался к цветку и принялся его грызть. Но цветок, сделанный из стружки, показался ему, видно, невкусным. Он отвернулся от цветка, опять полизал лапу, из которой сочилась кровь, и стал принюхиваться. Вдруг он заметил Петрушку. Петрушка сидел на полу, среди развалин, ни жив ни мёртв от страха. Зверь посмотрел на него одним глазом, быстро, неслышно перебежал от цветка к Петрушке и принялся грызть ему нос. Но Петрушка только трещал. Плакать он не умел.

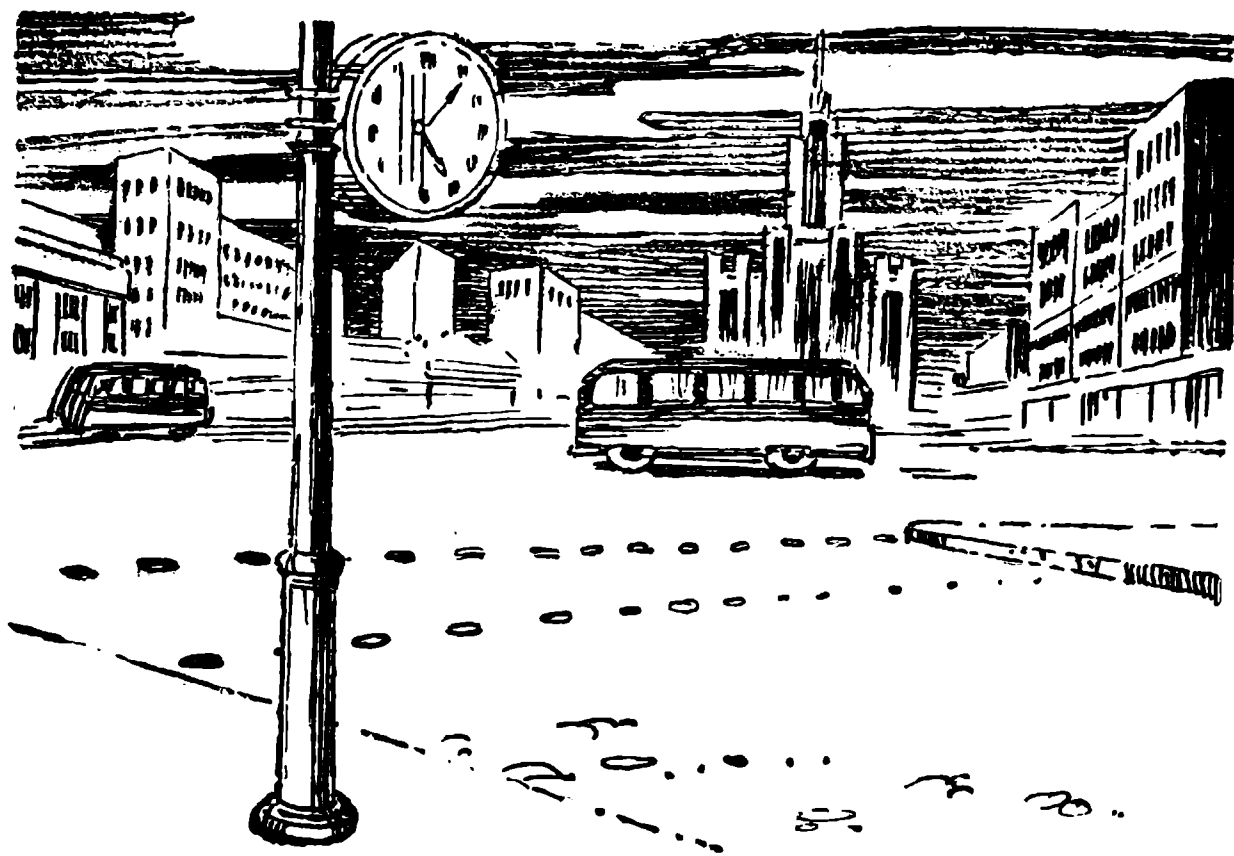
Тут зверь тихонько подобрался к пожарной каске, подёргал носом и давай быстро-быстро перебирать передними лапами по каске, как по барабану. А потом принялся грызть ремешок.

И вдруг уши у зверя поднялись. Он насторожился. Ему почудились чьи-то шаги...

Белый зверь перестал грызть каску, оттолкнулся задними лапами от пола и пустился наутёк. Каска со звоном покатилась по полу, а зверь в три прыжка перелетел через всю комнату и шмыгнул в приоткрытую дверь. Позади дорожкой остались на полу капельки крови.

Всё это могли бы рассказать пожарный и милиционер, если бы они только умели говорить.

Другие куклы всё забыли от страха, а пожарный и милиционер всё видели, всё слышали и ничего не забыли.

СЕРЁЖА И ВОЛОДЯ

Сегодня не только Наташа не могла уснуть после обеда. Не спалось и Серёже. Он то и дело ворочался с боку на бок — всё придумывал, как снова построить кукольный дом.

Едва только все встали, Серёжа спросил у Клавдии Николаевны:

— Можно я возьму домой дверь и окошко? Мы с папой постараемся их починить.

— Возьми, — сказала Клавдия Николаевна.

Когда на улице зажглись фонари, за ребятами стали приходить родители. За Володи́ем Михайловым пришла мама.

— Мамочка! — крикнул Володя, подбегая к ней. — Можно я пойду к Серёже? У него мастерская! Ну позволь! Пожалуйста! Вот он, Серёжа. Со своим папой.

Рядом с Серёжей стоял высокий, широкоплечий человек и смотрел, как Серёжа одевается.

— А вам он не помешает? — спросила Володина мама у Серёжиного отца.

— Нет, нисколько.

— Ну, иди на часок. А я пока ужин готовлю.

И вот все вышли на улицу. Серёжин папа пошёл с мальчиками в одну сторону, а Володина мама — в другую.

Вдыхая вкусный морозный воздух, Серёжа говорил:

— Папа, правда хорошо, что Володю к нам отпустили? Мы ему покажем наш верстачок.

— А что это такое — „верстачок“? — спросил Володя.

— Рабочий столик, — ответил Серёжин папа. — Мы с Серёжей на нём мастерим. Ну, ребятки, рассказывайте, какие у вас новости.

— Плохие новости, — сказал Серёжа: — наш дом сломался.

— Кукольный домик? — спросил папа. — Кто же его сломал?

— Кролик. Он вылез из клетки, забрался в дом, и всё развалилось.

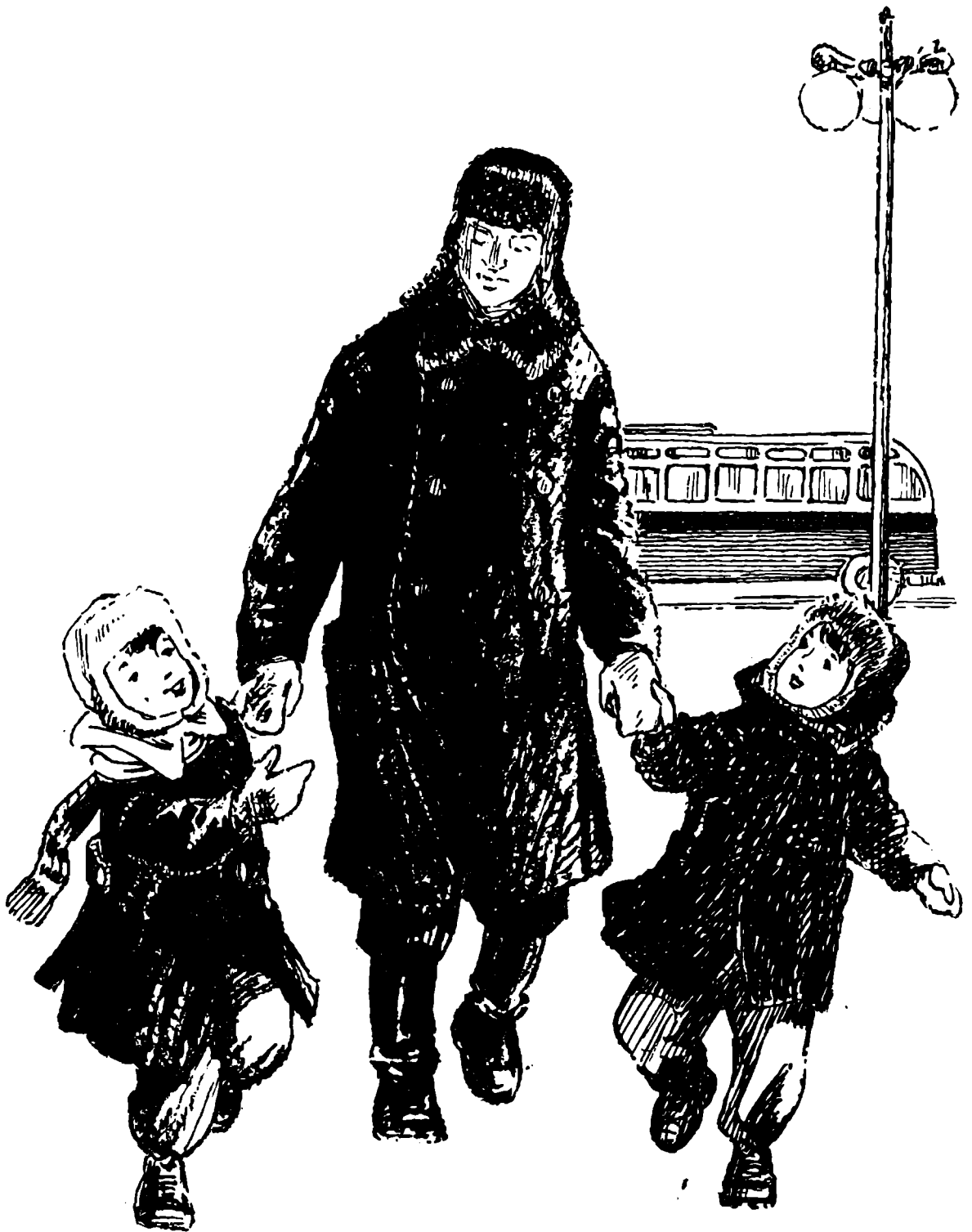
— Да ну? — удивился папа. — Значит, вы в чём-то ошиблись, когда строили.

— Как это — ошиблись? — не понял Серёжа.

— Ошибку сделали в постройке, вот и получилось непрочно.

— Нет, папочка! — сказал Серёжа. — Получилось очень даже прочно! Я крепко-крепко молотком прибивал стенки. Даже себе по пальцу стукнул.

— Не в том дело, сынок, чтобы молотком бить и себе пальцы отбивать. Дом вы построили, видно, не так, как полагается, вот он и рухнул.

— Да это потому, что в него кролик залез! — сказал Серёжа.

— Ну и что ж, если залез? Дом не обвалился бы, если бы вы построили его правильно. Он у вас был на фундаменте?

— А как же! — сказал Серёжа. — Конечно.

— А из чего вы сложили фундамент?

— Из кубиков. То есть из кирпичиков.

— А как вы их клали?

— Ровно-ровно! — ответил Серёжа. — Один на другой.

— Так, так, — сразу понял папа. — Кладка у вас была, видно, не такая, как надо. Вот придём домой, вы мне и покажете, как вы кирпичи клали. А сейчас пойдёте быстрее. Скоро мама с работы вернётся, и за Володей придут. Ну, давайте по-военному: раз, два, левой!..

Дверь папа открыл своим ключом. Потом он помог раздеться Володе.

— Володя, идём! — позвал Серёжа и повёл мальчика на кухню, где в уголке стоял столик с двумя полочками внизу.

— Это что? — спросил Володя, показывая на привинченный к краю столика какой-то тяжёлый железный инструмент. — Мясорубка?

— Нет, что ты! — сказал Серёжа. — Это тиски. Знаешь, они могут зажать всё, что хочешь. Зажмёшь — и работай себе напильником или пилкой: обе руки свободны! А вот это кусачки.

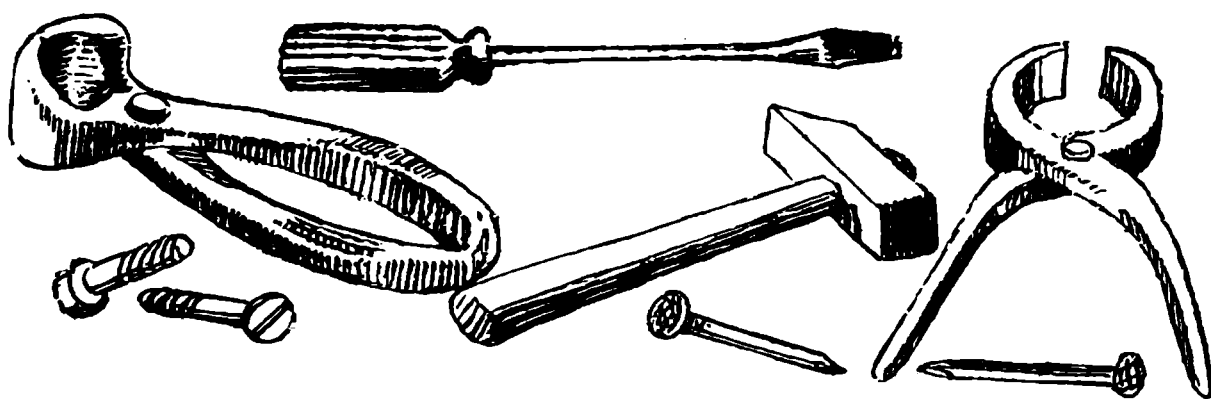
Володя с опаской посмотрел на железные щипцы с загнутыми внутрь острыми концами.

— А кусачки кусаются? — спросил он.

— Ещё как! Они могут перекусить, как сахар, и проволоку и гвозди. А вот это отвёртка. Она винтики заворачивает и выворачивает. А гвозди вытаскивают клещами.

— Клещи и отвёртку я видал. У нас тоже есть. А вот тиски и кусачки — никогда!

Серёжа показывал Володе одну за другой разные

интересные вещи, которые умели всё делать — гвозди вытаскивать, винтики закручивать, выкручивать, — а Володя только смотрел и удивлялся.

— А почему на этом стуле сиденье железное? — спросил Володя.

— Оно не железное, — сказал Серёжа. — Оно алюминиевое. Мы этот стул сами с папой починили.

— А зачем?

— У нас он сломался, ну, мы и сделали такое сиденье, чтобы прочнее было. Только нам за это от мамы попало.

— За что попало?

— Да за этот самый стул. Алюминиевые стулья ей не нравятся, вот она и отдала его нам. В нашу мастерскую. А вот смотри, какой у нас домик жестяной. Мы его тоже сами с папой сделали. Спаяли. У нас и паяльник есть.

Володя не знал, на что раньше смотреть. Но больше всего понравился ему жестяной домик. В нём были и дверь и окошко, а когда Серёжа нажал кнопку на стенке домика, он осветился изнутри.

— Там лампочка от карманного фонарика, — объяснил Серёжа. — А смотри, как будет красиво сейчас!

Он погасил свет в кухне, и теперь светился только огонёк из окошка домика.

— Как фонарик... — задумчиво проговорил Володя.

— И в нашем кукольном доме можно было бы провести свет, — грустно сказал Серёжа.

— В обеих комнатах по лампочке, — добавил Володя. — Да, Серёжа?

— Да. А вот это у нас машина.

— Где?

— А вот. — И Серёжа взял в руки закрытую жестяную банку с трубочкой. На трубочку была насажена пробка, а к пробке были приделаны крест-накрест два жестяных листочка. — Знаешь, как эта машина работает, если её поставить на огонь?

— Поставь на огонь, — попросил Володя.

— Нельзя, — сказал Серёжа. — Мне не позволяют зажигать газ, когда нет больших. Я сейчас папу позову.

Серёжа побежал в комнату и вернулся вместе с отцом.

— Папа, — сказал Серёжа, — можно показать Володе, как наша машина работает?

— Отчего же нельзя? — ответил папа. — При мне можно.

Он чиркнул спичкой о коробок и открыл кран газовой плиты. Взвились язычки фиолетового пламени.

Серёжа поставил на конфорку жестяную баночку. Сначала ничего не было заметно, потом вода в банке забулькала, и жестяные листочки над трубочкой начали медленно-медленно поворачиваться. Постепенно они стали вертеться всё быстрее и вдруг закрутились с такой быстротой, что их даже не стало видно.

Володя рот раскрыл от удивления, а Серёжа обрадовался:

— Видишь, видишь? Вода закипела, и кверху пошёл пар. По трубочке. А пар сам заставляет машину работать! Сам!

Володя смотрел то на Серёжу, то на диковинную машину.

— Что, ловко наша машина работает? — спросил Серёжин папа. — Ну, молодые люди, давайте поставим на

плиту чайник. А пока вода закипит, покажите-ка мне, как вы кирпичи клали.

Папа вынул из бокового кармана блокнот, карандаш и, присев на алюминиевый стул, быстро сделал два рисунка. Оба рисунка изображали кубики, сложенные в четыре ряда. Но только сложены они были по-разному.

— Как вы клали, — спросил Серёжин папа: — так или так?

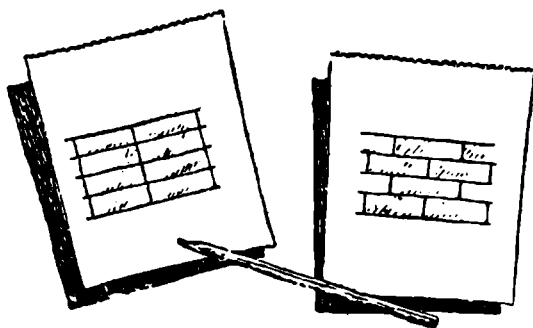
— Так, — сказал Серёжа, показывая на первый рисунок.

— Вот и неправильно. Смотрите, товарищи строители. Нужно, чтобы шов ко шву не приходился.

— Папа, — удивился Серёжа, — но это же кирпичи! Какой же там шов? Где?

— А вот смотри. Где кирпичи сходятся, где они соединяются, там и есть шов.

Серёжа и Володя молча разглядывали оба рисунка. Один был такой, а другой такой:

— Видите, в чём разница? — спросил папа. — Кирпичи кладутся вперевязку, вот таким манером. — И он показал на второй рисунок. — А вы сложили шов ко шву. Кролик влез в дом, толкнул его, кирпичи и разъехались. Понятно?

Серёжа кивнул головой.

— А знаешь, папа, — сказал он, — у нас в группе есть

близнецы, Толя и Алёша. Их папа и мальчики из школьной мастерской показывали нам, как надо строить. Только я уже забыл, как они кирпичи клали.

— Ну ничего, ребятки, — сказал Серёжин папа. — Дело поправимое. Я знаю отца Толи и Алёши. Мы с ним посоветуемся, как дом починить.

— А там окошко сломалось! — проговорил Серёжа. — И дверь. Я их принёс. Мы их сами починим, а?

— Дверь и окошко починим сами.

В эту минуту на чайнике весело запрыгала, забренчала крышка. И в то же самое время в передней раздался звонок.

— Мама, наверно... — сказал Володя прислушиваясь. — А мне ещё не хочется уходить!

Это и на самом деле пришла Володина мама. Не успела она и слово сказать, как Володя начал с жаром рассказывать ей о том, что он здесь увидел:

— У Серёжи тиски настоящие! Кусачки! Они гвозди кусают! И проволоку! У него машина! Домик жестяной с лампочкой! Пойдём, Серёжа тебе всё покажет.

Но Володиной маме было некогда. Она поблагодарила Серёжиного отца за то, что он привёл из детского сада её сынишку, и они вышли на лестницу.

Всю дорогу — до самого дома — Володя с восторгом рассказывал маме о том, какая у Серёжи мастерская и какие удивительные вещи смастерил Серёжа вместе со своим папой.

Л Е К А

Наступило новое утро. Потеплело, и за окнами большими мягкими хлопьями падал снег. Было ещё темно. А в детском саду ярко горели лампы.

Дети вставали, одевались, помогали друг другу застёгивать пуговицы на лифчиках.

А тем временем в раздевалку входили „дневные“ дети, закутанные в платки и шарфы, засыпанные снегом.

Вот пришёл Серёжа Скворцов со своей мамой. За Серёжей пришла Ляля Брайловская, тоже с мамой. За Лялей пришёл Володя Михайлов. Привела его старшая сестра, школьница.

А вот в раздевалке появилась какая-то новенькая девочка в большом клетчатом платке. Её привела мама. И сразу к новенькой девочке и к её маме подошла заведующая, Софья Борисовна.

— Привели? Вот и хорошо, — сказала она. — Сейчас покажу вам свободный шкафчик.

На дверце шкафчика была приколата картинка — две ярко-красные вишни на зелёной веточке.

— Запомни, — сказала Софья Борисовна новенькой, — это твой шкаф.

Мама сняла с девочки платок.

— Смотри, какая у неё шапка — мохнатая, с ушами, — сказала Ляля Серёже, стаскивая с ноги валенок.

Мама сняла с девочки шапку. Под шапкой у неё оказался ещё один платок.

— Стриженная! Наверно, больна была, — тихонько сказала Ляля.

В это время мама сняла с девочки пальто, потом платок, потом фуфайку. И тут дети увидели, что это совсем не девочка, а мальчик, да ещё и в длинных брюках.

— Как тебя зовут? — спросила Софья Борисовна у мальчика.

— Лёка, — ответила за него мама, вешая в шкафчик его пальто. — Настоящее его имя Александр. Мы его называли Аликом, когда он был совсем маленьким, а он сам себя назвал Лёкой.

— А он у вас уже был в яслях или в детском саду?

— Нет, нигде не был, — сказала Лёкина мама. — Только дома. Теперь я на работу поступила, а у бабушки ноги больные. Ей с ним гулять трудно. Вот мы и решили отдать его в детский сад.

— И хорошо сделали. А в еде он у вас разборчив? Хорошо ест?

— Совсем нет аппетита, — вздохнула Лёкина мама. — Когда маленький был, мы с бабушкой чего-чего только не делали, чтобы он ел! И песни ему пели, и сказки рассказывали. Да и теперь тоже с едой мученье! Каши не ест никакой, молока не пьёт.

— Ну, у нас дети всё едят, — строго сказала Софья Борисовна.

Лёка испуганно посмотрел на незнакомую темноглазую тётю в белом халате.

— Зато наш Лёка знает много стихов! — поспешила сказать Лёкина мама. — Только застенчив немного.

— Это ничего! — чуть улыбнувшись, проговорила Софья Борисовна. — Лёка, а почему ты не вешаешь своё пальто сам?

— Что вы! — удивилась Лёкина мама. — Он же не сумеет повесить аккуратно.

Софья Борисовна терпеливо ждала, пока Лёкина мама уложит в шкафчик все его вещи.

— Уж очень вы его кутаете...

— Болеет он у нас часто, — вздохнула Лёкина мама. — Пожалуйста, я очень вас прошу, последите тут за моим ребёнком. Я так за него беспокоюсь!

— А вы не беспокойтесь. Мы за всеми детьми следим очень внимательно, — сказала Софья Борисовна. — Ну, пойдёмте, я вас познакомлю с воспитательницей. Только снимите пальто.

Заведующая и Лёка с мамой пошли вверх по лестнице.

— Скажи, Лёка, — спросила Софья Борисовна и взяла его за руку, — у тебя товарищи есть?

Но за Лёку опять поспешила ответить его мама:

— Нет, он больше один играет. Только в день его рождения собираем детей. И в гости с ним ходим, конечно.

Заведующая открыла дверь в комнату старшей группы. Там дежурные накрывали на стол к завтраку.

— Софья Борисовна! — обрадовались дети, увидев её. — А к нам сегодня опять Татьяна Ивановна пришла с самого утра.

— Я знаю, — сказала Софья Борисовна. — Татьяна Ивановна вечером будет занята. И сегодня и завтра. Она учится. Вот они с Клавдией Николаевной и поменялись. — И, кивнув на Лёку, она объяснила: — Татьяна Ивановна, это у нас новенький. Лёка Шевчук.

Лёкина мама с удивлением и даже с беспокойством посмотрела на Татьяну Ивановну:

— Такая молоденькая?

Татьяна Ивановна покраснела, как будто была виновата в том, что она всё ещё такая молоденькая.

Софья Борисовна сказала:

— Татьяна Ивановна хорошо справляется с группой. Но у нас есть и старшая воспитательница, Клавдия Николаевна.

Лёкина мама посмотрела на своего мальчика и вздохнула так, словно должна была расстаться с ним на долгие годы.

— Ну, сыночек, оставайся здесь. Вечером я за тобой приду. А может быть, бабушка придёт. Смотри не плачь!

Лёка уцепился за мамину юбку.

— Мама, не уходи! — закричал Лёка и заплакал. — Мама, не уходи!

Но мама всё-таки вырвалась от него и пошла к дверям вместе с Софьей Борисовной. Потом Лёкина мама оглянулась и помахала ему рукой. Другие дети тоже ей помаха-ли. А Лёка закричал:

— Не надо махать! Это моя мама! Я один буду ей махать!

И, когда дверь за мамой захлопнулась, Лёка заплакал ещё громче.

— Не плачь, — сказала ему Ляля. — Я тоже была новенькая. Позавчера.

А Татьяна Ивановна спросила:

— Скажи, Лёка, ты видел когда-нибудь кролика?

— Видел, — ответил Лёка всхлипывая. — На картинке.

Он бросился к дверям и закричал ещё громче:

— Мама!

— А живых кроликов ты не видел?

— Не видел... Мама!

— А мы тебе живого покажем. Кто хочет показать ему кролика?

— Можно я? — сразу вызвался Алёша.

— И я? — спросил Толя.

— Ну, идите, — сказала Татьяна Ивановна. — А дежурные пока кончат накрывать на стол к завтраку.

Толя и Алёша повели Лёку в живой уголок.

— Хочешь, мы тебе покажем золотых рыбок? — спросил Алёша. — Или раньше серебряных?

— Хочу золотых, — проговорил Лёка, удивлённо поглядывая то на одного мальчика, то на другого, такого же.

Алёша взял Лёку за руку.

— Вот смотри, — сказал он, — тут золотые плавают, а тут — серебряные. А на дне — карасик.

Лёка посмотрел на карасика и сказал, вздохнув:

— Рыба утонула.

Мальчики засмеялись.

— Ну, что ты! — сказал Алёша. — Карасик любит лежать на дне. А когда он умрёт, он всплывёт наверх. У нас уже один карась умер и всплыл.

— Его младшая группа руками трогала, — объяснил Толя.

— А там у нас живёт снегирь, — сказал Алёша. И он показал на клетку. — Видишь, клетка открыта? Снегирь влетает и вылетает, когда хочет. Только не надо оставлять открытой дверь в коридор.

В клетке на жёрдочке крепко стояла серенькая птичка с красной грудкой и чёрной головкой.

— А вот тут в банке змея — уж, — сказал Алёша.

Лёка заглянул в стеклянную банку. В банке никакой змеи не было, а был только мягкий зелёный мох.

Лёка посмотрел на Алёшу и спросил:

— Это всё — уж?

— Что — всё?

— Да всё, что в банке.

— Это мох, а не уж, — сказал Алёша.

— А где этот самый... уж?

— Под мох подлез, чтобы теплее было.

— А ещё у нас есть лягушки! — сказал Толя. — Хочешь, покажу?

— Не хочу, — сказал Лёка. — Я их боюсь.

— А чего лягушек бояться?

— Они прыгают, — сказал Лёка.

— Ну так что ж, что прыгают? — спросил Алёша и усмехнулся. — Кролик ещё выше прыгает. Ты и его боишься?

Тут открылась дверь, и в живой уголок вошла Лида с тарелкой в руках. На тарелке лежали капуста, свёкла, морковка. Всё было мелко нарезано.

Лида открыла дверцу клетки, погладила кролика и пощупала его белую мордочку.

— Кролик весёлый, мордочка сухая. Ему всё можно есть, — сказала Лида.

— А как этого кролика зовут? — спросил Лёка.

— Можешь звать просто „кролик“, — ответила Лида.

— А он рычит?

— Ну вот ещё — „рычит“! Это лев рычит, а не кролик.

Кролик сидел не шевелясь. Тогда Лида сама вытащила его из клетки и прижалась щекой к его белой шубке.

— Как на подушке, мягко, — сказала она. — А тяжёленький какой!

Лида подержала кролика на руках, потом снова посадила его в клетку. Кролик отряхнулся и, быстро двигая носом, принялся грызть капусту и морковку.

— А почему у него такой коротенький хвостик? — спросил Лёка. — Ему отрубили?

Лида даже всплеснула руками:

— Что ты? У него всегда такой был.

Когда кролик позавтракал, Татьяна Ивановна позвала завтракать ребят, и кролика наконец оставили в покое.

ВЫШЕЛ КРОЛИК ПОГУЛЯТЬ

На другой день утром, сразу же после занятий, Татьяна Ивановна сказала:

— Одевайтесь — и гулять! А где же Лёка?

Лёка оказался в живом уголке. Он смотрел на кролика.

— Лёка, идём гулять, — позвала его Татьяна Ивановна.

— А кролик? — спросил Лёка. — Он тоже пойдёт с нами?

— Ой, правда, Татьяна Ивановна! — подхватила Наташа. — Пусть кролик тоже пойдёт с нами гулять!

— Ну, что ты! — сказала Татьяна Ивановна. — Зачем ему гулять?

— А он давно свежим воздухом не дышал, — объяснила Наташа.

— У него лапка болит, — напомнила Лида. — Нельзя его тискать... — И вдруг она придумала: — А что, если мы вынесем его прямо в клетке? Можно, Татьяна Ивановна? Пусть он и правда подышит свежим воздухом.

Татьяна Ивановна подумала немного и согласилась:

— Ну ладно! Возьмём. Только не трогать его и не тормошить!

— Не будем! — пообещала Лида. — Мы уж за ним присмотрим.

Татьяна Ивановна и повариха Прасковья Ивановна понесли клетку вниз по лестнице. Кролик сидел, свернувшись в комочек, и смотрел испуганно перед собой. Он, видно, никак не мог понять, куда его несут и что его ждёт впереди...

В саду было много-много снега. Снег лежал и на земле, и на скамейках, врытых в землю, и на заборе, и на крыше беседки. Посередине сада была устроена деревянная горка для катанья.

Клетку поставили на расчищенную от снега дорожку недалеко от горки.

— Пусть кролик смотрит, как мы катаемся, — сказала Наташа. — Всё-таки ему будет веселей, чем дома.

Дети обступили клетку со всех сторон.

— Отойдите! — сказала Лида. — Кролику ничего не видно. И ему неприятно, когда на него смотрят.

Кролику, наверное, и в самом деле было неприятно, что на него смотрели. Он дрожал мелкой дрожью.

Все отошли. Кролик уложил на спине уши и успокоился.

Глядя на него издали, Лёка задумчиво сказал:

Раз-два-три-четыре-пять,
Вышел зайчик погулять.

— Не зайчик, а кролик, — поправила его Лида. — Надо так:

Раз-два-три-четыре-пять,
Вышел кролик погулять.

Лёка повторил:

Раз-два-три-четыре-пять,
Вышел кролик погулять.
Вдруг охотник выбегает,
Прямо в кролика стреляет!

— Не надо! — сказала Лида. — Не надо его пугать!
Но Лёка уже не мог остановиться:

Пиф-паф! Ой-ой-ой!
Умирает кролик мой.

— Не умирает, а убегает! — сердито сказала Лида. — Кроличек, не бойся. Это не про тебя. Не слушай его! Никакой охотник стрелять в тебя не будет. И никуда ты не убежишь. Наташа, как ты думаешь, кролику приятно гулять? Ему весело?

Наташа подошла поближе, посмотрела на вздрагивающие уши кролика и сказала:

— Кажется, он немножко улыбается.

Тем временем Серёжа взобрался с санками на горку.

— Ну, кто хочет кататься? — крикнул он, глядя на ребят сверху. — Садись, прокачу.

Ребята побежали к лесенке, ведущей на горку.

Первой уселась на санки Наташа. За Наташиной спиной села Ляля.

Серёжа толкнул санки и крикнул:

— Катитесь, салазки, без подмазки! Эй, с дороги, куриные ноги!

— Поехали, поехали, по-ехали! — закричали Наташа и Ляля, скользя по крутому накатанному склону.

Ветер обдал девочек снежной пылью. Санки съехали вниз и врезались в сугроб.

Дети то и дело съезжали с горки. Вот покатили Алёша с Толей, за ними — Серёжа и опять Наташа.

А Лида всё ещё не отходила от клетки с кроликом.

— Лида, иди кататься! — позвала Наташа, везя за собой пустые санки.

И Лида побежала к лесенке.

Возле горки стояла Татьяна Ивановна. Дела, как всегда, у неё было много: то снег отряхнёт с чьей-нибудь шубки, то повяжет кому-нибудь потуже шарф, то засунет палец кому-нибудь за воротник и пощупает, не вспотела ли шея...

А в это самое время Лёка и Митя потихоньку занялись кроликом. Они присели на корточках возле клетки.

— За решёткой кролику плохо видно, — сказал Лёка. — Открой немножко дверцу.

— Нельзя, — сказал Митя. — Он уже один раз убегал.

— Когда? — спросил Лёка.

— Когда мы все ушли, а он остался.

— Где остался?

— В живом уголке. Он выскочил из клетки и забрался в кукольный дом.

— В какой — кукольный? — спросил Лёка.

— У нас такой был, — сказал Митя. — Мы его построили, а кролик его сломал.

— А на руки кролика можно взять? — спросил Лёка.

— Нельзя, — строго сказал Митя.

— А если его только чуточку подержать?..

— Нельзя! Ты его выпустишь.

— Не выпущу! — пообещал Лёка. — И ведь это я первый сказал, чтобы кролика взяли гулять.

— Ну, и что ж такого? Пусть лучше сидит на месте. А я один разок прокачусь.

Митя убежал, а Лёка приоткрыл дверцу.

— Эх, ты, — сказал он кролику, — Пушок! Длинноухий пух! Хочешь на руки?

Лёка вытащил кролика из клетки, прижал к себе, и в тот же самый миг кролик изо всех сил принялся работать задними ногами.

— Ой! — закричал Лёка. — Он вырывается! Мне его не удержать! Помогите!

Но помочь Лёке было уже невозможно. Кролик вырвался и, откинув назад уши, поскакал по сугробам. Ребята бросились за ним следом:

— Удрал! Удрал!

— Ловите его! Ловите!

Но кролик был уже далеко, в самом конце сада. Он доскакал до высокого забора, прижался к земле и вдруг юркнул в щель. Юркнул и пропал.

Что тут делать? Открыть калитку и бежать на улицу? Но там то и дело мчатся в одну и в другую сторону автобусы, легковые машины и тяжёлые грузовики...

— Вот что, ребята, — сказала Татьяна Ивановна: — никуда не уходите. Ждите меня здесь, в саду.

Татьяна Ивановна выбежала на улицу. А дети столпились у забора и у калитки, стараясь увидеть что-нибудь сквозь щели. С улицы доносился глухой, непрерывный шум колёс. Шум то нарастал, то снова утихал.

— Где-то сейчас наш кролик? — грустно сказала Лида. — А вдруг он уже попал под машину?

— А может быть, он убежал в лес? — спросила Ляля. — И его волки загрызут!

— До леса далеко, — сказал Серёжа.

— А для кролика недалеко, — сказала Лида. — Он быстро бежит. И не стыдно тебе, Лёка? Кто тебе позволил его из клетки вытаскивать?

— Никто не позволил! — ответил за Лёку Митя. — Я ему говорил: „Нельзя“, — а он не послушался.

Тут дети начали говорить наперебой, что это один Лёка во всём виноват, что лучше бы он совсем не пошёл сегодня гулять, лучше бы доктор ему не позволил гулять, а ещё лучше было бы, если бы Лёка поступил не в этот детский сад, а в какой-нибудь другой, где нет кролика.

Лёка слушал, слушал и заревел.

В это время кто-то подошёл к забору с улицы. Дети увидели только ноги в валенках. А потом услышали чей-то хриповатый голос:

— Кто там плачет?

Лёка сразу замолчал.

Калитка открылась, и в сад вошёл старичок в валенках и в жёлтом полушубке.

Все, кроме новеньких Ляли и Лёки, сразу его узнали. Это был сторож. Он сторожил дачу в Жаворонках, куда выезжал на лето детский сад. Дача стояла в лесу, и домик старика сторожа тоже стоял в лесу. Дети любили забегать к нему в гости, любили его за то, что он был добрый, весёлый и всегда с ними шутил.

— Дедушка, — сказала Наташа, — вы к нам приехали? Из лесу?

— К вам. Из лесу, — ответил дедушка. — Знаете песенку „Из-за леса, из-за гор едет дядюшка Егор“? Вот этот самый я и есть.

— Разве вы дядюшка? Вы дедушка, — поправила его Наташа.

— Ну, дедушка так дедушка, — согласился старик. — А кто у вас тут плакал?

— Вот этот мальчик, — сказал Митя и показал на Лёку.

— А кто его обидел?

— Его никто не обидел. Он кролика выпустил. Помните, дедушка, нашего кролика? Беленького. Он тоже на дачу ездил. Он тогда маленький был!

И дети начали наперебой рассказывать старику, как всё случилось, и какой пушистый был кролик, и чем его кормили, и как он забрался в новый кукольный дом.

Дедушка слушал, поглядывая на детей чуть прищуренными, со смешинкой глазами. А потом спросил:

— А большой он вырос, кролик ваш?

— Вот такой, — сказала Лида и обеими руками показала, какой величины был кролик.

— А где ваша воспитательница?

— Татьяна Ивановна? — спросила Лида. — Она кролика ищет. На улице.

— На улице — кролика? — удивился дедушка. — Разве за ним угонишься?

Но как раз в эту минуту Татьяна Ивановна вбежала в сад. Шапочка у неё сбилась набок, светлые косы её расплелись, белой ленточки уже не было. Должно быть, Татьяна Ивановна потеряла её, пока бегала по улице.

Дети бросились к ней:

— Не нашёлся?

Татьяна Ивановна только рукой махнула. Говорить ей было трудно — так она запыхалась.

Потом поздоровалась с дедушкой и спросила:

— Дети вам уже рассказали, какая у нас беда?

Дедушка посмотрел на неё ласково и сказал:

— Эта беда — не беда, только бы больше не была.

Татьяна Ивановна собрала растрепавшиеся волосы и уложила их под шапочку.

— Ну, идёте, — сказала она детям. — Скоро будем обедать.

— А как же кролик? — спросила Лида и заплакала.

— Ну вот! — покачал головой старик. — То один плакал, а теперь другой. А маршировать вы умеете?

— Умеем, — тихо отозвался кто-то.

Дети построились и медленно пошли по дорожке.

Татьяна Ивановна и дедушка понесли назад пустую клетку.

Тихо стало в саду. Только большая чёрная ворона вдруг села на снег, замахала крыльями и громко, на весь сад, закричала:

„Удррал! Удррал!“

ПУСТАЯ КЛЕТКА

Услышав, что дети возвращаются с прогулки, Софья Борисовна вышла их встречать.

— А Лёка кролика выпустил! — сказал Митя Мартынкин, едва переступив порог.

Софья Борисовна посмотрела на гостя, на Татьяну Ивановну, на ребят:

— Кролика выпустили! Как же так?.. Здравствуйте, Егор Кузьмич. Хорошо, что вы приехали. Ведь скоро ёлка. У меня к вам дело есть. — И она снова бросила взгляд на пустую клетку. — Так и не поймали кролика?

— Где же его найдёшь! — ответил за Татьяну Ивановну дедушка.

— Я уже всю улицу обегала, — растерянно проговорила Татьяна Ивановна. — Нигде его нет...

Софья Борисовна посмотрела на воспитательницу:

— А как же дети? Где были они?

— Дети были со мной, — поспешил её успокоить дедушка. — В саду.

А Татьяна Ивановна сказала прерывающимся от волнения голосом:

— Я совсем не заметила, как они открыли клетку...

— Ну ничего, Татьяна Ивановна. Об этом потом, — остановила её Софья Борисовна. — Егор Кузьмич, пойдёте ко мне.

И они пошли в маленькую комнатку рядом с раздевалкой.

А в это время повариха Прасковья Ивановна, стоя у большой газовой плиты, почувствовала, как подуло в ноги, и сразу услышала голоса ребят. Голоса долго не утихали, потому что детей было много и они всё шли и шли, возвращаясь с прогулки.

Прасковья Ивановна тоже пошла встречать детей.

— А Лёка кролика выпустил! — поспешили и её рассказать дети.

— Да что вы! — удивилась Прасковья Ивановна. — Вот тебе на! А я для вашего кролика капусту приготовила! С базы привезли.

— Татьяна Ивановна, — сказал Серёжа, — завтра я дежурный по живому уголку, а кролика нет!

— Ну, что ж поделаешь, голубчик, — ответила за воспитательницу Прасковья Ивановна. — Будешь теперь кормить снегиря, рыбок, лягушек.

Татьяна Ивановна молчала. Она и сама была огорчена.

Все разделись и пошли к себе наверх.

А Лёка присел на корточки возле пустой клетки и стал что-то разглядывать.

— Ну что ты смотришь? — спросила Лида. — Сам выпустил кролика, а теперь смотришь!

Лёка встал и отошёл к столику, где стояла банка с лягушками.

— Не трогай, не трогай! — закричал Серёжа. — Ты и лягушек выпустишь!

— Я уйду домой и больше к вам не приду! — обиженно сказал Лёка.

— И не приходи, — сказала Лида. — Без тебя было лучше.

Лёка нагнул голову и выбежал из комнаты.

В этот день, ещё до того, как стемнело, дети стали собираться домой — и „дневные“ и „ночные“, — потому что был последний день недели — суббота.

— Ну-ка, ребята, — сказала Лидина мама, подходя к лестнице, — позовите мне мою девицу.

— Лидочка, Лида! За тобой пришли! — закричала Наташа.

Через минуту на лестнице показалась Лида. Она шла, опустив голову, и тёрла глаза обеими руками.

— Что с тобой, дочка?

Лида сбегала с последних ступенек и бросилась к матери:

— Мамочка, он пропал! Лёка вытащил его, а он как выскочит и убежал на улицу!

— Лёка убежал? Какой Лёка?

— Не Лёка, а кролик! Лёка его выпустил!

— Кролик? — сказала Лидина мама и улыбнулась. — Ну, это ещё ничего.

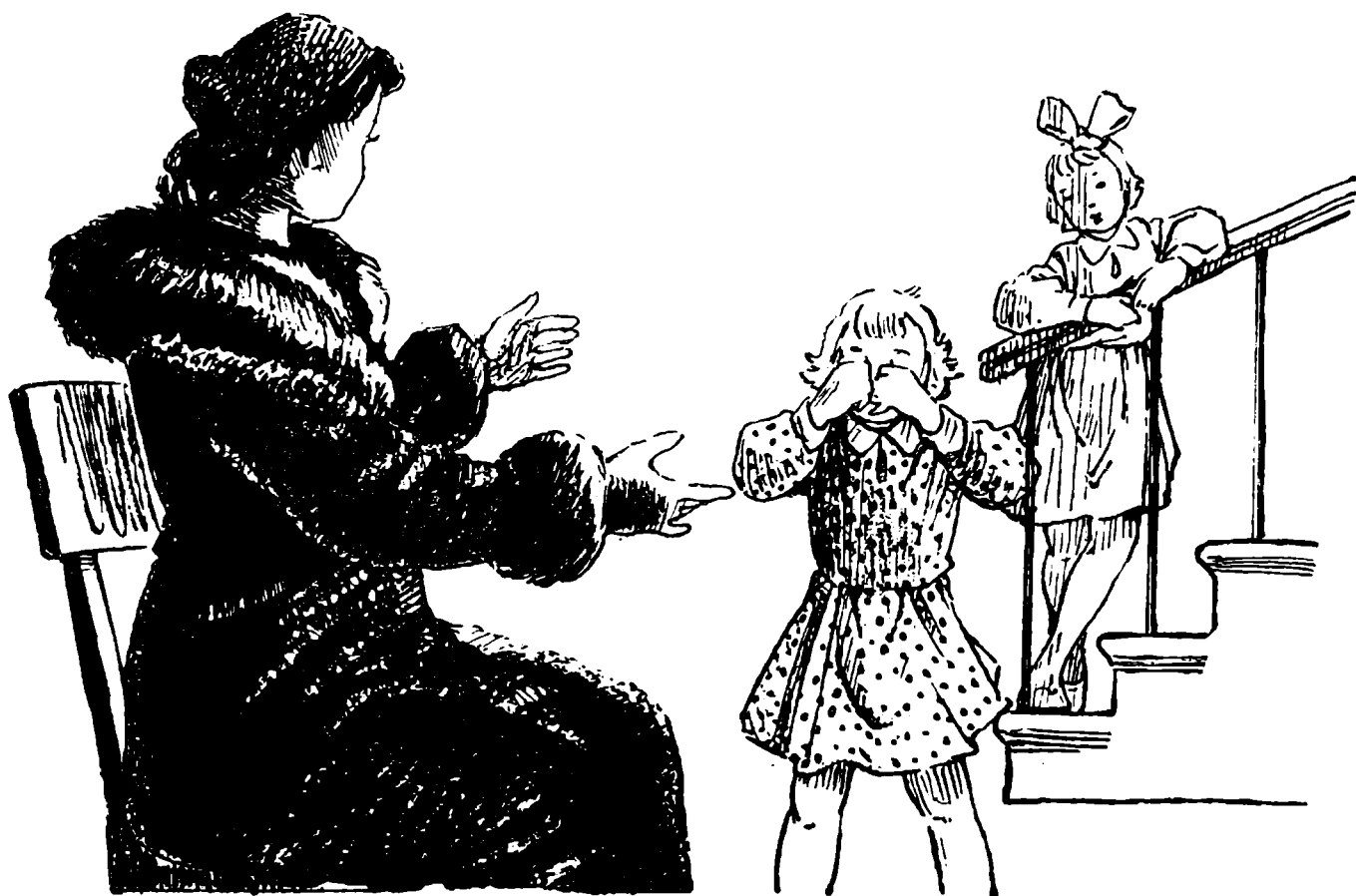
Лида нахмурилась:

— Тебе всё ничего! А если он под машину попадёт? Или под автобус?

— Что ты, доченька! Его, наверно, милиционер поймает и вам принесёт. Ну, поторапливайся, поторапливайся, Лидочка, мне в магазин надо поспеть. Скоро отец с работы придёт.

— А откуда милиционер узнаёт, что он наш? — сказала Лида и залилась слезами.

Мама ничего не ответила. Она торопливо натягивала на дочку тёплые рейтузы.

— Большая выросла, а плачешь, как маленькая! — сердилась мама. — И даже одеваться разучилась.

Тут вошёл Лёка и начал оглядываться по сторонам.

— Кого ты ищешь, мальчик? — спросила чья-то мама.

— Свою маму, — сказал Лёка. — Или бабушку. Я хочу домой.

Он открыл свой шкафчик, схватил шапку и надел её задом наперёд. Потом вытащил пальто и тоже надел задом наперёд.

Но тут же следом за ним прибежала Татьяна Ивановна.

— Лёка, стой! — сказала она, снимая с него пальто и шапку. — Что ты так торопишься? Ведь за тобой ещё не пришли.

— Вот этот мальчик во всём виноват! — показала Лида на Лёку.

— Дочка, — сказала мама, — зачем ты обижаешь мальчика? В другой раз он уже не выпустит кролика.

— В другой раз! — с горечью повторила Лида. — А как он может его выпустить в другой раз? Ведь кролика у нас больше нет! — И она сердито посмотрела на Лёку.

— Довольно, Лида! — сказала Татьяна Ивановна, вешая в шкафчик Лёкино пальто. — Лёка и сам не рад.

И Лидина мама тоже сказала строго:

— Да перестань же наконец! Купят вам, наверно, другого кролика.

— Я не хочу другого, я хочу этого самого!

Тут в раздевалку вошла полная седая женщина.

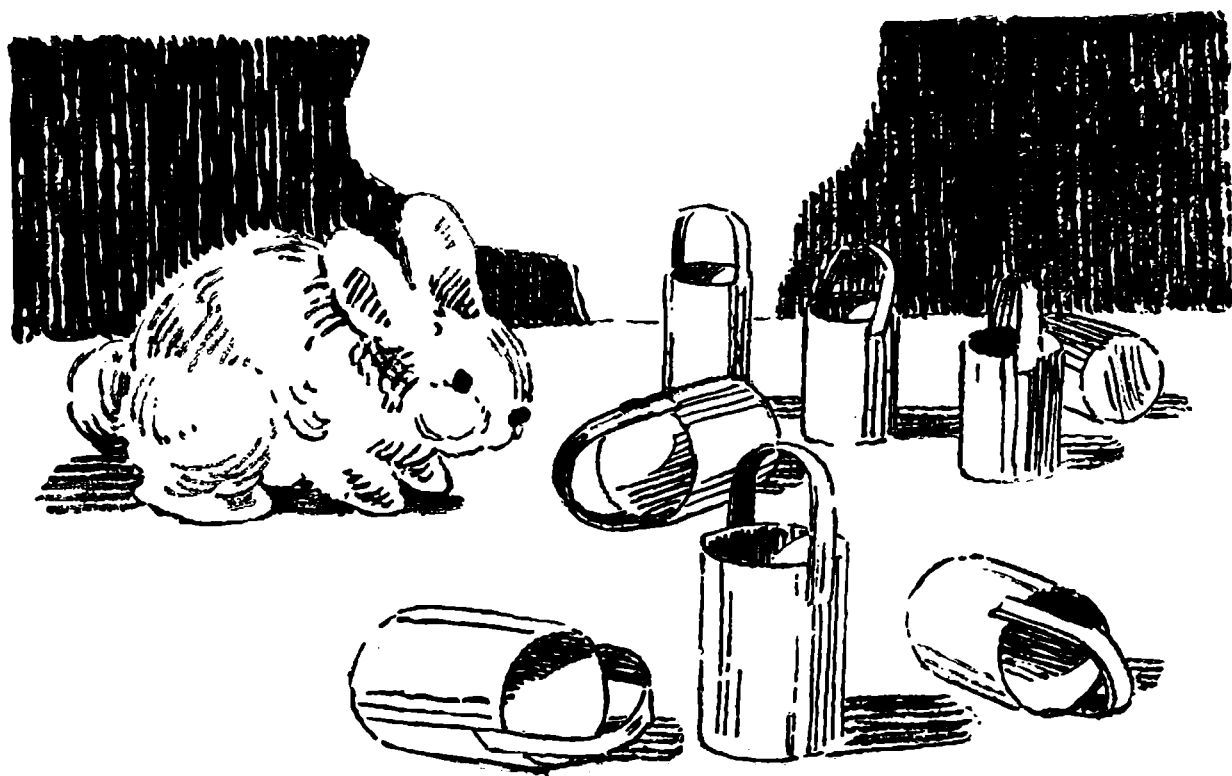
Лёка так и бросился к ней:

— Бабушка!

Но Лида уже не слышала, что он сказал своей бабушке. Мама открыла входную дверь и пропустила вперёд Лиду.

Всю дорогу Лида всхлипывала. Мама уже не утешала её. У неё были свои заботы — нужно было поспеть в магазин.

Следом за ними шли Лёка и его бабушка. Бабушка шла медленно-медленно. Она вела Лёку за руку и не спеша рассказывала ему, что скоро у них дома будет ёлка и что мама уже купила целую коробку разноцветных лампочек. А Лёка только плакал и мотал головой.

МАСТЕРСКАЯ ЁЛОЧНЫХ ИГРУШЕК

— Лида, иди скорей! — закричала Наташа, когда девочки пришли в детский сад в понедельник утром. — Что я тебе покажу!

Лида помчалась прямо в живой уголок.

— Не там! Не там! — крикнула Наташа. — У нас в группе! Лида побежала за Наташей.

— Где же он? — спросила она, оглядываясь по сторонам.

— Кто — он?

— Да кролик!

— Не знаю. Я не про кролика, я про Фиалку и ещё про что-то... Смотри, её вылечили. У неё глаза опять открываются.

Фиалка сидела на диване. Синие стеклянные глаза её блестели, как новые.

— А я думала, кролик вернулся, — печально проговорила Лида.

— А ты погляди, что там!.. — с хитрой улыбкой сказала Наташа, показывая на игрушечный буфет.

— Где?

— Там, внутри. На полках...

Лида открыла дверцы кукольного буфета. На маленьких полочках был аккуратно расставлен чайный сервиз — белые с розовой каёмкой блюдца, чашечки, чайник, сахарница.

— Ой, какие красивые! — сказала Лида. — Лучше, чем были. Откуда всё это?

— Это я принесла! — сказала Наташа весело. — Свою посуду!

— А когда ты унесёшь её обратно?

— Никогда! — ответила Наташа. — Я её принесла совсем. Навсегда.

И у Наташи при этом так весело заблестели глаза, что Лиде тоже захотелось принести что-нибудь из дому совсем, навсегда.

— У меня есть синенький эмалированный чайник, — сказала она. — Его можно даже на плиту ставить и по-настоящему греть воду! Я его завтра принесу.

Наташа даже руками всплеснула:

— Ой, принеси! Только смотри не забудь!

В этот день с детьми занималась Клавдия Николаевна. Сразу после завтрака она усадила их за столики и каждому дала по листу глянцевитой цветной бумаги и по кисточке. Потом она поставила на стол баночки с клеем и сказала:

— У нас скоро будет ёлка. Большая ёлка для всех групп и по маленькой ёлочке для каждой группы. Сейчас мы будем делать игрушки для нашей группы и для малышей.

— Для маленьких? — обрадовалась Лида. — Потому что они сами не умеют?

— Да, конечно, — ответила Клавдия Николаевна. — Они тоже научатся, но пока ещё не умеют.

— А ты, Лёка, умеешь клеить игрушки? — спросил Серёжа. — Вёдра, фонарики, корзинки?..

— Нет, не умею, — сказал Лёка. — Я только умею наклеивать картинки в тетрадку.

— Эх, ты! — усмехнулся Митя Мартынкин, сидевший рядом с Лёкой. — Это каждый умеет.

Серёжа исподлобья посмотрел на Митю:

— Ты тоже ничего не умел, пока тебя не научили.

А Клавдия Николаевна сказала:

— Ничего, Лёка, я к тебе скоро подойду. А сейчас смотрите все, что надо делать.

И она показала, где нужно бумагу разрезать, где помазать клеем и как сложить.

Застрекотали ножницы, зашуршала бумага. Все принялись за работу. И, глядя на них, Лёке тоже захотелось резать и клеить. Он сунул кисточку в клей и размазал густой слой клея по серебряной стороне бумаги.

— Что ты делаешь? — удивился Митя. — Не там мажешь! Надо с изнанки.

Лёка перевернул бумажку и принялся мазать с изнанки. Бумажка приклеилась к столу.

— Ой, что Лёка наделал! — закричали ребята.

Лёка нагнул голову и закрыл лицо липкими руками.

— Ну, не реви! — сказал Серёжа. — Раскис... Я тебе сейчас помогу!

Серёжа подбежал к Лёке и принялся отклеивать прилипшую к столу бумажку.

— Не надо плакать, Лёка, — сказала Клавдия Николаевна. — Пойди умойся, а потом начнёшь сначала.

Вытянув руки вперёд, чтобы не измазаться, Лёка вылез из-за стола и пошёл к двери.

— Он и умываться сам как следует не умеет, — сказала Наташа.

— Ничего, скоро научится, — сказала Клавдия Никола-

евна и пошла посмотреть, как Лёка справляется с краном и мылом.

Вернувшись вместе с умытым Лёкой, она села рядом с ним и сказала:

— Помажь клеем вот здесь. Так. Теперь сверни бумагу в трубку. Вот так, правильно. Теперь всунь туда палец и прижми. А теперь приклей донышко и ручку.

Лёка так и сделал, и у него получилось серебряное ведро.

— Ой, какое красивое! — обрадовался он и побежал с ведром к окну.

За Лёкой к окну подошла Лида и тоже поставила ведро, только не серебряное, а золотое. На подоконнике скоро выстроились ведра всех цветов — и красные, и синие, и зелёные.

А в это время Наташа увидела на стуле под окном большой пакет ваты.

— Какая белая, пушистая! — сказала она. — Совсем как наш кролик!

Все дети перестали резать и посмотрели на вату. Один только Лёка даже не обернулся.

— Клавдия Николаевна, — спросила Наташа, — а можно сделать из ваты кролика, а?

— Отчего же! — сказала Клавдия Николаевна. — Если хотите, сделаем.

— Хотим, хотим! — ответили ребята.

Клавдия Николаевна вырезала из жёлтого картона кролика и стала обклеивать его со всех сторон ватой. Кролик становился всё толще и толще. Потом ему приклеили уши, а вместо глаз пришили красные пуговицы.

Всем детям кролик очень понравился. А Наташе больше всех. Она нарезала красной и зелёной бумаги и стала его кормить.

— Смотри, Лида, — сказала она, — у него всё есть: и глаза и уши.

Лида только отмахнулась:

— Всё есть, а не живой. И не видит ничего и не слышит ничего... Ах, зачем только Татьяна Ивановна позволила нам взять кролика на прогулку!

— Татьяна Ивановна? — удивилась Клавдия Николаевна. — А разве она сама это придумала? Наверно, вы упрашивали её, пока она не согласилась. А теперь выходит, что не вы, а она виновата. Так, по-вашему?

Дети молчали.

— А вы знаете, — продолжала серьёзно Клавдия Николаевна, — что Татьяна Ивановна не только работает у нас, а ещё и учится? Поедет домой и в вагоне поезда всю дорогу занимается. Даже иногда стоя, если места нет.

Лида низко опустила голову и тихонько сказала:

— Это я нечаянно про неё так подумала!

В это время в дверь кто-то постучал. В комнату вошёл старик в валенках. Это был тот самый сторож с дачи — Егор Кузьмич.

— Дедушка! — обрадовались ребята. — Дедушка Егор! Из-за леса, из-за гор!

— Здравствуйте, друзья хорошие! — сказал дедушка. — Ну что, не нашёлся ваш беглец?

— У нас уже другой кролик есть, — ответила Наташа и пододвинула дедушке стул. — Посмотрите.

— Вот и хорошо, — сказал старик, кое-как усаживаясь на низенький стул.

— Совсем не хорошо, — вздохнула Лида. — Разве это кролик? Это просто вата.

— Дедушка, — вдруг сказал Лёка и встал с места, — а в лесу кролики бывают?

— В лесу зайцы водятся, а не кролики, — ответил дедушка. — Ну ничего, не тужите! Поищу вам кролика.

— Нашего? — спросила Лида.

— А может, и вашего найду. А ты, мальчик, что мастерить?

— Ведро! — сказал с гордостью Лёка. — Я уже одно сделал, это второе.

Старик посмотрел на Лёкино ведёрко и на выстроенные на подоконнике в ряд разноцветные вёдра и сказал:
— Хорошая будет у вас ёлка! Деду Морозу, наверно, понравится.

— Это мы для нашей маленькой ёлочки делаем, — объяснила Клавдия Николаевна, — и для ёлочки малышей. А на большой ёлке игрушки будут, наверно, ещё лучше.

— Вот как! — удивился старик.

— А знаете, дедушка, какие гости будут у нас на ёлке? Пионеры и октябрюта из соседней школы. Из той самой, где смастерили для нас кукольный дом.

— Вот это да-а! — ещё больше удивился старик. — Наверно, и ваши ребята скоро в эту же школу пойдут?

— Как же! С осени. Вот поэтому школьники и хотят с ними познакомиться.

Старик помолчал.

— А дед Мороз к вам придёт? — спросил он.

— Вот этого мы ещё не знаем, — сказала Клавдия Николаевна. — Может, придёт, а может, и нет...

— А я думаю, что придёт, — сказал старик. — Ну, я пойду к заведующей вашей. Она просила зайти.

Он попрощался со всеми и ушёл.

А Лёка спросил:

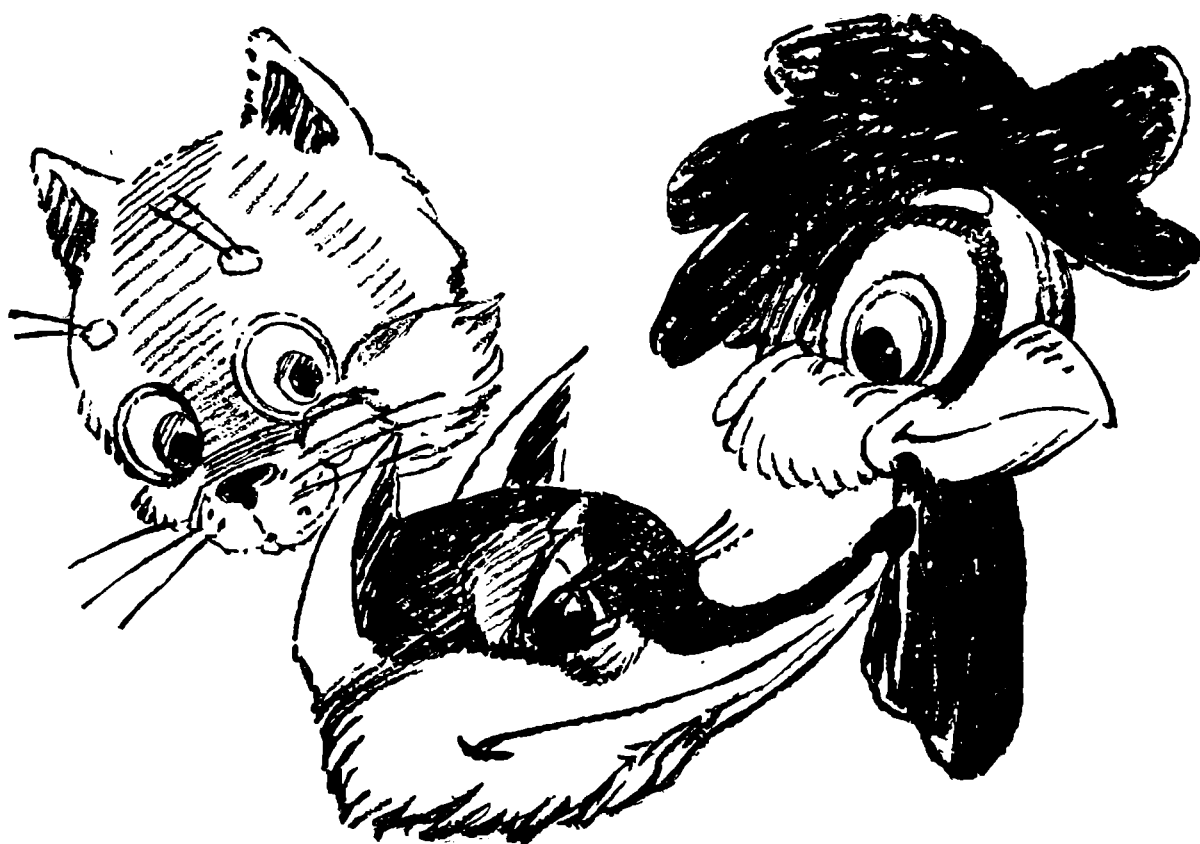
— Настоящий дед Мороз придёт?

— Какой же ещё? — сказала Клавдия Николаевна. — Конечно, настоящий. Скоро мы начнём готовиться к новогоднему празднику. Узнаем, кто кем будет на ёлке.

— Я тоже кем-нибудь буду? — спросил опять Лёка. — Я тоже буду представлять?

— А вот посмотрим, — сказала Клавдия Николаевна и улыбнулась. — А тебе очень хочется?

В ответ Лёка только кивнул головой.

КОТ, ЛИСА И ПЕТУШОК

Дни шли за днями. Дети готовились к ёлке.

Клавдия Николаевна вела свою группу по коридору в зал на музыкальные занятия.

— Знаете, Клавдия Николаевна, кто я теперь? — с лукавой улыбкой спросила Наташа.

— Как же, конечно, знаю, — ответила Клавдия Николаевна: — лиса.

— А я — серый кот, — сказал Серёжа. — А это — петушок. — И он кивнул на Лёку.

— Только это плохой петушок, — сказала Наташа, поглядывая на Лёку, который шёл рядом с ней. — Медвежонок неуклюжий, а не петушок.

Кто-то из детей засмеялся. Лёка покраснел и опустил голову, а Клавдия Николаевна сказала:

— Ребята, не обижайте нашего новенького. Он зато умеет очень хорошо стихи читать.

В зале стоял большой чёрный рояль. Елена Степановна, руководительница музыкальных занятий, встретила детей громкой музыкой. Все ещё ровнее зашагали под звуки весёлого марша.

Только Лёка сбился с ноги, отстал от Наташи, побежал за ней и шлёпнулся. Наташа фыркнула, а Лёка с обидой посмотрел на черноглазую насмешницу.

Поздоровавшись с Еленой Степановной, дети уселись на стулья вдоль стен. Клавдия Николаевна тем временем вкатила в двери зала расписную избушку, очень лёгкую, на колёсиках.

— Ну вот, — сказала Елена Степановна, — мы сейчас опять разыграем с вами сказку про кота, лису и петушка.

Лёка забрался в избушку и выглянул в окошко. А Серёжа начал говорить ему, стоя возле избушки:

Не пускай, мой петушок,
Ты лисицу на порог!
Может хитрая лиса
Унести тебя в леса.
Подожди меня в избе,
Принесу зерна тебе.

Заиграла музыка, и серый кот, важно шагая, ушёл в лес, за избушку. И, как только он ушёл, петушок спрятался. А из-за избушки появилась лисичка-сестричка, Наташа. Она подкралась к окошку и заговорила ласковым голоском:

Петушок-петушок,
Золотой гребешок,
Масляна головушка,
Шёлкова бородушка!

Петушок выглянул в окошко. А лиса стала ещё ласковей просить:

Ты впусти меня, дружок,
Мой красавец петушок!
Как поселимся вдвоём,
Угощу тебя зерном.

Петушок открыл дверь, лиса юркнула в избушку и потащила за собой петушка. Тащит его, а он молчит...

— Что же ты, петушок? — спросила Елена Степановна, оборачиваясь к нему. — Зови на помощь кота.

Лёка молчал. Он боялся, что лиса-Наташа опять начнёт над ним смеяться.

— Зови! — крикнул Серёжа. — Мне же надо тебя выручать! Зови так:

Котик, братик мой, беда!
Поскорей беги сюда!

И даже сама лиса стала подсказывать петушку:

Унесла меня лиса,
Тащит в тёмные леса!

А петушок всё молчит и молчит...

Наташа-лиса опять потащила его за руку, а дети со всех сторон стали кричать:

Помоги же петушку,
Помоги! Кукареку!

А Лёка и слова выговорить не может...

— Подойди ко мне поближе, петушок, — позвала его Елена Степановна. — Ты что, и вправду лисы испугался?

Лёка покачал головой:

— Нет...

— Что же ты?

— Не знаю...

Ему хотелось сказать, что он боится, как бы Наташа и другие дети опять не начали над ним смеяться, но он постеснялся и ничего не сказал.

— А петушком ты хочешь быть? — спросила Елена Степановна тихонько. — Тебе ведь хотелось выступать на ёлке.

Лёка кивнул головой.

— Ну, давай вместе, — сказала Елена Степановна.

И она стала звать кота:

Котик, братик мой, беда!
Поскорей беги сюда!

А Лёка только шептал:

Унесла меня лиса,
Тащит в тёмные леса...

— Ну, вот и прекрасно! — похвалила его Елена Степановна. — Только давай позовём его так, чтобы он тебя услышал. Ты ведь умеешь читать стихи звонко и хорошо. И начала:

Помоги же петушку!
Помоги...

Лёке оставалось крикнуть: „Кукареку!“ Но он только губами пошевелил.

Кто-то из детей опять засмеялся, и сразу же захотелось смеяться и всем. А Лёке захотелось плакать.

— Ничего, петушок, — подбодрила его Елена Степановна, — мы ещё попробуем. Не обращай внимания на ребят, им просто весело... А может быть, ты будешь зайчиком? Это тоже очень интересно. Будешь прыгать. Прыгать научиться совсем не трудно.

Лёка только вздохнул.

Собираясь гулять, он долго возился со своими вещами, пока Клавдия Николаевна не помогла ему.

— Ну, веселей, веселей! — говорила она, повязывая ему шарф. — Бери лопатку и выходи... Лида, поторопи Лялю и сама поторопись... Толя, стань за Митей... Алёша, нижние пуговики застегни... Наташа, ты готова?.. Выходите, кто уже готов.

Ребята один за другим выходили в сад.

В саду Лёка подошёл к Серёже.

Серёжа в это время разгребал снег на дорожке. Щёки у него так и пылали.

— Серёжа, — сказал Лёка, глядя, как он работает, — Елена Степановна говорит, что я буду на ёлке зайчиком, а я хочу быть петушком. . .

Серёжа набрал полную лопатку снега и ловко перебросил снег в сторону. Потом он воткнул лопатку в сугроб и посмотрел на Лёку.

— Знаешь что? — сказал Серёжа. — Я сейчас буду петушком, а ты лисой. Хочешь? Тащи меня.

Лёка ухватился обеими руками за кушак Серёжиного пальто и потянул, а Серёжа как закричит „кукареку!“, как рванётся, — Лёка не устоял на ногах и повалился в снег.

Серёжа засмеялся, и Лёке тоже стало весело.

— А теперь тащи меня ты, — сказал Лёка поднимаясь.

Серёжа ещё не успел его потащить, а Лёка уже встрепенулся, как настоящий петушок, поднял голову и звонко закричал:

— Кукареку-у!..

— Откуда это петушки взялись у нас в саду? — спросила Клавдия Николаевна, подходя к мальчикам. — Ну, хватит, а то горло простудите.

Серёжа и Лёка взяли свои лопатки и пошли с Клавдией Николаевной к ребятам разгребать снег вокруг беседки ..

Прошло два дня. И вот снова в зале весело зазвучала музыка. Когда дети уселись, Серёжа спросил

— Елена Степановна, можно я вам что-то скажу?

Серёжа подбежал к роялю, Елена Степановна наклонила голову, и мальчик прошептал ей, чуть приподняв седую прядь её волос:

— Елена Степановна попробуйте, пожалуйста, с Лёкой ещё раз. Он сумеет!.. У него один раз уже вышло!

Лёка сидел неподалёку и поглядывал на Серёжу и Елену Степановну. Должно быть, он догадывался, о чём Серёжа говорит ей шёпотом.

— Хорошо,— сказала Елена Степановна и улыбнулась,— мы попробуем ещё раз.

Сказка началась снова. И, как только Наташа-лиса потащила за руку Лёку, он стал так жалобно звать на помощь кота и так отчаянно закричал „кукареку“, что лиса и сама испугалась, а Серёжа забыл, что он серый кот, подбежал к Елене Степановне и спросил:

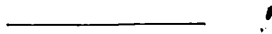
— Теперь хорошо?

— Совсем хорошо!— согласилась Елена Степановна.— Вот видишь, Лёка, ты перестал стесняться, и у тебя вышло.

А Лёка посмотрел на Серёжу и сказал:

— Это потому, что мы с ним играли в лисицу и петушка, а не представляли.

— Так и надо,— сказала Елена Степановна.— Вот и на ёлке играйте, а не представляйте. Всё и получится как следует.

· НОВОГОДНИЙ ПРАЗДНИК НАЧИНАЕТСЯ

И вот наступил новогодний праздник.

Ещё с вечера, в воскресенье, в детский сад привезли ёлку.

Её поставили в зале, и во всех комнатах сразу запахло смолой и хвоей. Обе воспитательницы, Клавдия Николаевна и Татьяна Ивановна, а также воспитательницы средней группы и Софья Борисовна украшали ёлку до поздней ночи.

А с утра в понедельник в зал уже никого не впускали.

Лида и Наташа утром вбежали в комнату старшей группы.

— Ой, что это?

Девочки даже остановились от удивления.

На ковре у стены стоял кукольный дом, да не такой,

как прежде, а ещё лучше. Он был собран из того же строительного материала, но теперь он был сделан прочнее и выглядел совсем как настоящий дом. Дверь и окошко были починены так искусно, что нигде не видно было ни одной трещинки, как будто дом был совсем новый. А к тому же в обеих комнатках светились огоньки.

Потом пришли и другие ребята, и все тоже бросились к домику.

— Серёжка! — весело закричал Володя и присел около домика. — Смотри, настоящие электрические лампочки, как в твоём жестяном домике! Да ещё под абажурами!

— И выключатель настоящий! — крикнула Лида. — И звонок! Серёжа, ты видел?

— А как же? — сказал Серёжа, гордо и радостно поглядывая на всех, и повернул маленький настоящий выключатель возле двери домика. Огоньки в окошках погасли. Повернул ещё раз, и огоньки снова зажглись. А потом нажал на беленькую кнопку на двери, и раздался самый настоящий долгий-долгий звонок. Он как будто нетерпеливо и деловито требовал: „Откройте! Скорее откройте!“

— Вот хорошо! — раздались кругом голоса детей. — Вот здорово! Новый год и новый дом!

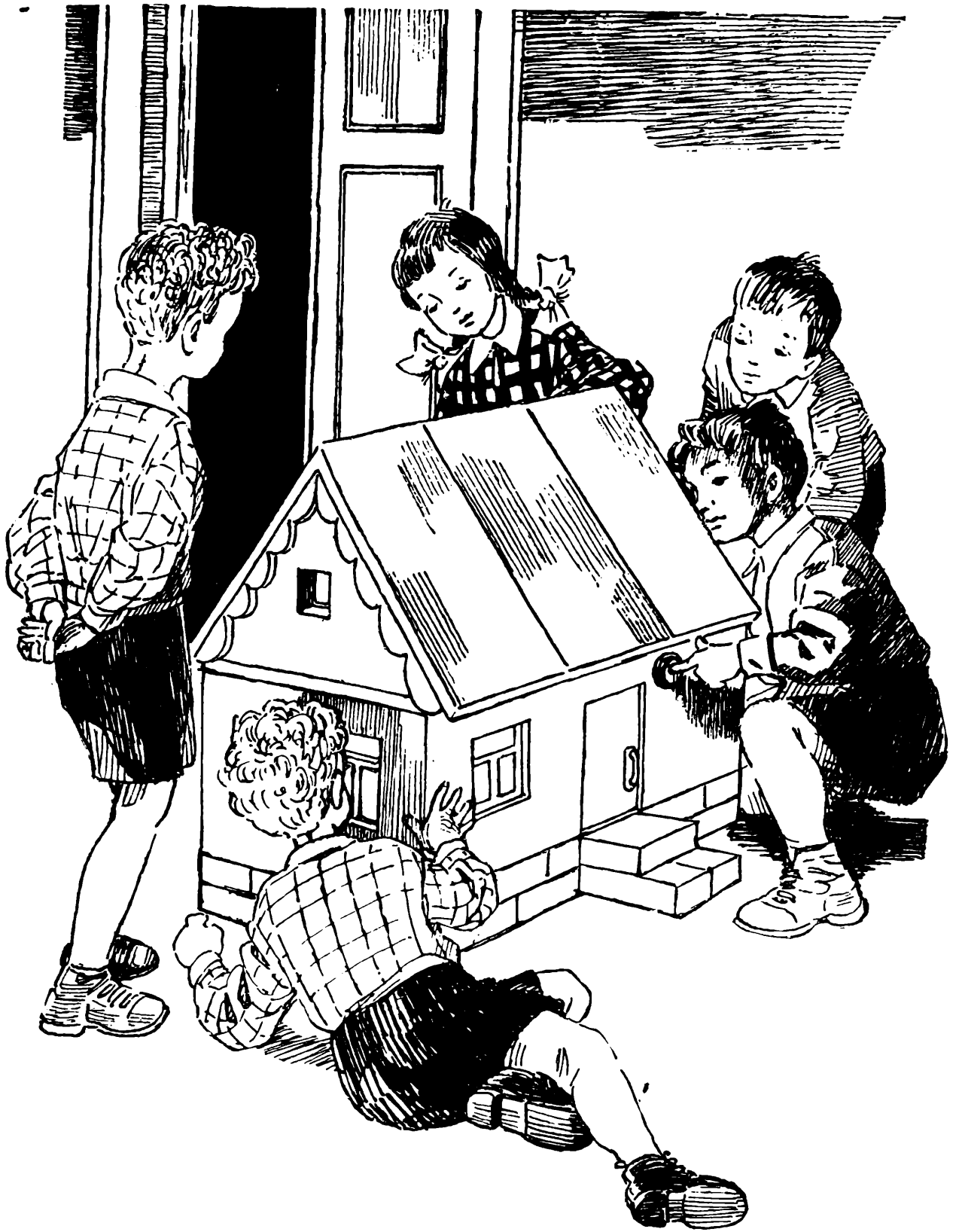
И все принялись то зажигать, то гасить свет, то звонить.

— А кто всё это сделал? — спросила Лида и оглянулась на Клавдию Николаевну и Татьяну Ивановну. Они обе раскладывали и расправляли на столах белые платья снежинок и голубую шубку Снегурочки.

— Вот у кого спросить нужно, — сказала Клавдия Николаевна: — у Серёжи и у Толи с Алёшей.

— Это папины школьники сделали! — с гордостью сказал Толя.

— И дом починили, и свет провели, и звонок, — добавил Алёша.

— Вот как это было, — начала Клавдия Николаевна. — В субботу днём, когда вы все ушли, к нам в детский сад вдруг нагрянули ребята из соседней школы. Я им говорю: „Приходите, пожалуйста к нам на ёлку“. А они отвечают: „Спасибо, придём. Только сегодня мы пришли к вам не в гости, а работать. Мы слышали, что у вас кукольный дом сломался“. Принялись они за работу и до самого вечера трудились, пока всё не закончили. И столяры работали и электротехники. Это вам от них новогодний подарок. А дверь и окошко починили Серёжа и его папа.

Лида, Наташа и Ляля стали усаживать в домик Фиалку и Красную Шапочку.

Другие ребята окружили маленькую ёлочку и принялись рассматривать висевшие на ветках ведёрки, корзиночки и фонарики, которые сами смастерили. Ёлочка стояла возле кукольного дома.

В этот день после обеда дети, как всегда, легли отдыхать, но не все могли уснуть. Они с нетерпением поглядывали на дверь, ожидая, когда же наконец придёт нянечка и позволит им встать.

И вот наступил вечер.

В комнате старшей группы шли последние подготов-

ления. Лида-Снегурочка и девочки-снежинки уже нарядились в свои праздничные наряды.

Клавдия Николаевна и Татьяна Ивановна помогали теперь одевать Наташу и Серёжу. Оба костюма — кота и лисы — всем очень понравились, особенно — лисы: жёлтое плюшевое платье и приколотый сзади пышный хвост. Самый настоящий хвост — из рыжего меха.

— А где же Лёка? — спросил Серёжа, надевая маску серого усатого кота.

— Мы и сами не знаем, — сказала Клавдия Николаевна. — Наверно, некому было его привести.

Уже вокруг толпились белые зайчики с торчащими кверху ушками и разные зверята, и только одна маска всё ещё одиноко лежала на столе — маска петушка с красным гребешком.

— Ну что же его нет, петушка нашего? — говорила, поглядывая на дверь, Татьяна Ивановна.

— Ничего, ничего, — отвечала спокойно Клавдия Николаевна. — Только не волноваться. Время ещё есть. Он, наверно, скоро придёт.

В комнату быстро вошла Елена Степановна.

— Ну что? — спросила она. — Все в сборе?

— Нет. — ответила Клавдия Николаевна. — Лёку Шевчука всё ещё не привели.

— Не привели — и не надо! — с досадой сказал Митя. — Давайте не будем его ждать!

— Да что ты, Митя! — рассердился Серёжа. — Он же в сказке представлять должен! Как же можно без него?

— Ой! — сказала Наташа испуганно. — А что, если он совсем не придёт?.. Тогда и сказки не будет?

— Да уж не знаю, — ответила Елена Степановна и озабоченно посмотрела на свои часики. — Как же её сыграть без петушка? Ну, давайте ещё немножко подождём. Минут пять...

И Елена Степановна торопливо ушла.

— Ну вот! — с огорчением сказал Серёжа. — Не будет у нас сказки!

— Вечно из-за этого Лёки что-нибудь случается! — ещё больше расстроилась Наташа. — Клавдия Николаевна, а как же наши костюмы и маски? И мой лисий хвост? Уже ничего не пригодится?

— Почему не пригодится? — сказала Клавдия Николаевна. — На ёлку ведь придут разные звери — и зайчики, и медвежата, и волк... Придёте и вы — лисичка и серый кот. Будете ловить друг друга, бегать вокруг ёлки.

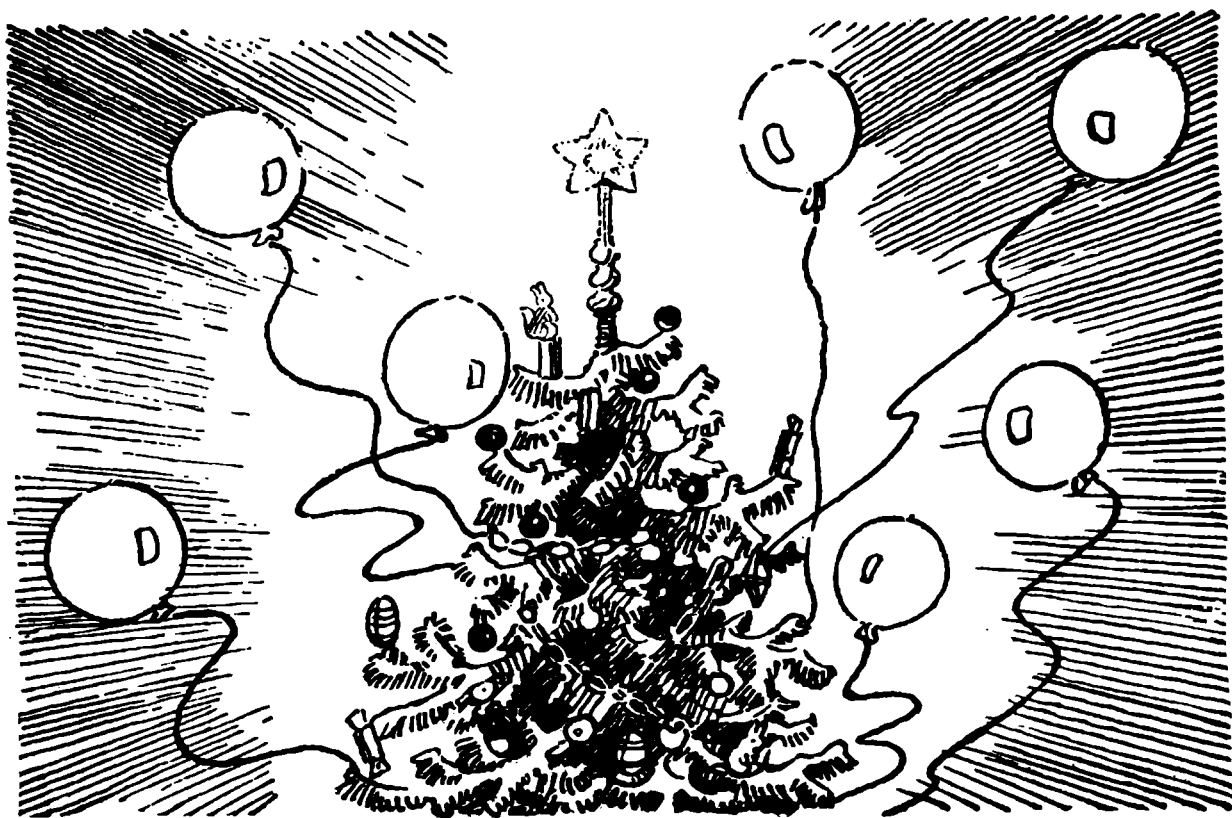
— Просто бегать неинтересно! — сказала Наташа и заплакала.

— Праздник, а ты плачешь, — покачала головой Клавдия Николаевна. — И разве лисички плачут? Они улыбаются. Посмотри на свою маску.

Наташа сняла маску с головы и внимательно на неё посмотрела. Лисичка и правда хитро улыбалась.

— Клавдия Николаевна, — тихо сказала Татьяна Ивановна, — пять минут уже прошло...

— Ну что ж, — развела руками Клавдия Николаевна, — придётся начинать. Дети, станьте друг за другом! Дай, Наташа, я помогу тебе надеть маску. Все готовы? Пошли!

ЛЕСНАЯ КОМНАТА

Дверь в зал распахнулась. Елена Степановна громко заиграла на рояле.

Первой в зал вбежала Лида Снегурочка. За ней побежали снежинки, белки, зайчата, петрушки в колпаках, матрёшки в сарафанах. Это были обе группы — старшая и средняя.

Дети вбежали — и остановились. Посреди комнаты стояла ёлка, высокая, густая. Во все стороны раскинулись колючие лапы, как будто целый лес вырос от пола до самого потолка.

Эту ёлку срубили вчера утром. А до этого она росла в тёмном тихом лесу и вокруг неё бегали зайцы.

Теперь она стояла блестящая, нарядная. На каждой её

веточке что-нибудь висело — разноцветный фонарик, золотой кораблик, серебряная хлопушка... А на окнах, затянутых голубой бумагой, серебрились большие звёзды.

Все принялись разглядывать ёлку, вдыхая лесной смолистый запах.

— Вот те стеклянные бусы мне мама дала, — сказала Ляля, одетая белочкой.

— А золотой дождь принёс я! — сказал Володя, одетый зайчиком.

Дети взялись за руки и окружили ёлку.

Хорошо бегать вокруг ёлки! Игрушки в глазах так и мелькают. Вот кролик ватный сидит под ёлкой. Вот большая-пребольшая хлопушка! Вот шарики блестящие развешаны по веткам. А в шариках отражается весь зал — и паркетный пол, и чёрный рояль, и Елена Степановна за роялем, и гости, сидящие в конце зала. Вон Лидина мама, рядом — Серёжин папа, а вон Володина мама.

А что это за гости сидят в первом ряду? Какие-то школьники и школьницы. Взрослые — на больших стульях, а эти — на детских.

— Ребятки, — сказала Клавдия Николаевна, когда хоровод остановился, — посмотрите, кто пришёл к нам в гости. Пионеры и октябрята из соседней школы. Ещё в прошлом году октябрята ходили в детский сад. А теперь уже они учатся в первом классе. С осени и вы, наши старшие, пойдёте в школу. Зовите же гостей в свой хоровод! Смотрите, ведь это ребята из той самой школы, где нам кукольный дом смастерили! Снегурочка, что же ты?..

Лида-Снегурочка, застенчиво улыбаясь, подошла к гостям. Она была в лёгкой голубой шубке, обшитой белым мехом, в белой шапочке и в белых стёганных сапожках.

Мальчики и девочки встали и нерешительно подошли к ёлке. Они уже успели отвыкнуть от детского сада и немножко стеснялись, особенно большие мальчики.

Клавдия Николаевна живо нашла для каждого из них место в хороводе. Все взялись за руки и побежали вокруг

ёлки. Красные пионерские галстуки и октябратские звёздки так и замелькали.

— Быстрее, веселей! — крикнула Татьяна Ивановна.

И дети побежали ещё быстрее, и вместе с ними — Татьяна Ивановна. А Клавдия Николаевна отошла к роялю и теперь смотрела на хоровод издали.

Наконец все устали и присели вокруг ёлки отдохнуть.

Елена Степановна перестала играть и оглянулась. Наташа и Серёжа сразу поняли, почему она оглянулась: ведь как раз в эту минуту нужно было бы вдвинуть в зал избушку на колёсиках и начать сказку. Но Лёки всё ещё не было.

Татьяна Ивановна подбежала к роялю и посмотрела растерянно на Клавдию Николаевну и на Елену Степановну.

— Лёки так и нет! — проговорила она шёпотом. — Как быть?

— Странно, что он так и не пришёл, — сказала Клавдия Николаевна тоже тихо. — Уж не заболел ли он? Ну ничего, может быть, ещё придёт...

И, взяв Татьяну Ивановну под руку, Клавдия Николаевна отошла с ней в сторонку.

Серёжа и Наташа, сидевшие возле рояля, услышали этот разговор.

— Лёки так и нет! — повторила Наташа. — Пропала наша сказка.

Ей было так досадно, что и сказать нельзя! Опять из-за Лёки неприятности! И какое имя у него нескладное: Лёка. Серёжу можно назвать Серёжкой, Лиду — Лидкой, а Лёку как? Лёка — и всё тут!

Серёжа тоже рассердился:

— Из-за него одного всё пропало!

— И мой красивый пушистый хвост! — сказала Наташа и опять чуть не заплакала. — Всё этот противный мальчишка испортил! Весь праздник!

Но тут Татьяна Ивановна объявила так громко и весело, словно ничего не случилось:

— Сейчас наш бывший воспитанник, ученик первого класса...

Серёжа с Наташей невольно прислушались.

— ...Игорь Лобанов прочтёт стихотворение!

Игорь Лобанов, широкоплечий мальчик с круглой, как орешек, головой поправил пояс и начал, раскатисто выговаривая букву „р“:

— Стихотворение Некрасова „Мороз, Красный нос“:

Не ветер бушует над бором,
Не с гор побежали ручьи,
Мороз-воевода дозором
Обходит владенья свои...

Когда он кончил, Клавдия Николаевна встала с места.

— Молодец, Игорь! — сказала она. — И стихи хороши, и прочёл хорошо. А только что это дед Мороз к нам не торопится? Долго же он обходит владенья свои... Но постойте, ребята! Тише!.. Давайте послушаем — кажется, кто-то идёт...

И, когда стало совсем тихо, раздались неторопливые шаги за дверью и постукиванье палкой. А потом послышался чей-то старческий голос:

— Снегурочка, где ты?..

— Иди, Снегурочка, — сказала Клавдия Николаевна. — Встречай гостя.

И Снегурочка побежала открывать дверь.

ДЕД МОРОЗ

В зал вошёл старик в длинной голубой шубе с белым мехом, в красном кушаке и в красных варежках. Его белая борода доходила до самого кушака. Она была такая же косматая, как у того Мороза, о котором только что прочёл стихи октябрёнок Игорь.

— Здравствуйте, дорогие ребята! — сказал гость. — С Новым годом!

— С Новым годом! — хором ответили все.

— А как вас зовут? — спросила белочка-Ляля.

— Дед Мороз, — сказал старик и пошёл вокруг ёлки, постукивая своей высокой белой палкой, усыпанной блёстками.

Он осмотрел ёлку со всех сторон и сказал:

— Эту ёлку я знал, когда она ещё совсем маленькой была. Снежком её укутывал, чтобы не замёрзла. А теперь во какая выросла! Знаете, ребятки, ёлочка эта не простая, а волшебная. И палочка у меня волшебная. Ну-ка, Снегурочка, прикажи ёлке, чтобы она зажгла свои огоньки.

В зале погас свет. В темноте раздался голос Снегурочки:

Ёлка, ёлка,
Зелёная иголка!
В темноте, как светляки,
Пусть зажгутся огоньки!

Дед Мороз стукнул три раза палкой об пол — и ёлка от пола до самого потолка вспыхнула и засверкала разноцветными огоньками. Они спокойно и мягко засветились сквозь матовые стёкла красных и синих фонариков, зелёных шишек, белых домиков...

На верхушке под потолком зажглась большая красная звезда, а под звездой заблестели нити золотого дождя.

Дед Мороз опёрся обеими руками на свою палку и сказал:

— Я, дед Мороз, вам загадки принёс. Ну, кто отгадает?

Зимой и летом
Одним цветом.

— Ёлка! — закричали дети.

— А это что?

Старик у ворот
Всё тепло уволок.

— Мороз!

— Он самый и есть. А теперь отгадайте ещё одну загадку:

Скатерть бела
Весь свет одела.

— Снег! — и на этот раз отгадали дети.

— А я снега у вас что-то не вижу, — сказал дед Мо-

роз. — А ну-ка, Снегурочка, зови своих подруг-снежинок, а я волшебной палочкой постучу.

Снегурочка выбежала на середину комнаты и сказала:

Где вы, звёздочки-снежинки?
Где вы, лёгкие пушинки?
Пусть простынка снеговая
Ляжет, землю покрывая!

И сейчас же вокруг ёлки закружились под музыку девочки в белых пышных платьях и с блестящими звёздочками на волосах. Они кружились так легко, словно настоящие снежинки.

Снегурочка тем временем поставила перед ёлкой стул, а сама спряталась.

— Где моя внучка? — спросил дед Мороз оглядываясь.

— Я здесь, дедушка! — раздался за его спиной тонкий голосок.

Обернулся дед Мороз, смотрит, а это вовсе не Снегурочка, а зайчик с белыми торчащими ушками.

— Догони меня, дедушка! — попросил он.

Дед Мороз собрался уже побежать, да вдруг увидел перед собой низенький стул и сел на него.

— Не догнал, не догнал! — обрадовался зайчик и запрыгал.

Дед Мороз только рукой махнул:

— Где мне, старому, за таким бойким зайчишкой угнаться? А куда запропастилась моя внучка?

— Я здесь, дедушка! — ответил кто-то опять за спиной у старика.

Он оглянулся, а это — белочка.

Все засмеялись, всем стало весело, а дед Мороз нахмурился:

— Эх вы, озорники, белки и зайцы! Дразнить меня вздумали?

А Снегурочка выбежала из-за ёлки — и прямо к дедушке:

— Дедушка, не сердись, они с тобой поиграть хотели!

— Поиграть? — спросил дедушка. — Ну, тогда другое дело. Я и сам играть люблю. А петъ ваши ребята и зверята умеют?

— Умеют, — сказала Снегурочка.

— Ну, пусть споют что-нибудь, а я послушаю.

И все запели песенку, которую разучили к ёлке с Еленой Степановной:

Наша ёлка
Высока.
Достаёт
До потолка.
А на ней висят игрушки
От подставки до верхушки.
Наверху звезда горит,
С огоньками говорит.
Кто же это и откуда
К нам принёс такое чудо?
Что за день у нас в саду?
Это первый день в году!

И вдруг кто-то громко, на весь зал, крикнул:

— Птица летит!

Все закинули назад головы и посмотрели вверх. И правда, к ёлке летела птичка — красногрудый снегирь. Он взлетел высоко-высоко, под самый потолок, и уселся на красной пятиконечной звезде.

Все так и замерли.

Снегирь посмотрел сверху на игрушки, а потом вспорхнул и перелетел со звезды на ветку.

Сидит на ветке и покачивается, как на качелях. Перед самым его клювом висит большое розовое яблоко. Снегирь нацелился клювом и — раз! — клюнул яблоко. Два! — клюнул апельсин.

Все захлопали в ладоши.

— Он думает, что яблоко и апельсин настоящие!

А дед Мороз сказал:

— Ну и чудо! Снегирь прилетел на ёлку! И без моей волшебной палочки.

— Из живого уголка прилетел! — сказал кто-то из ребят. — У него же клетка всегда открыта.

— Значит, деда Мороза не испугался? — спросил старик. — Да он же — снегирь, зимы и снега не боится.

— А кролика нет, — тихо проговорила Снегурочка-Лида.

— Кролика, говоришь, нет? — спросил дед Мороз.

— Да, его Лёка выпустил. Из-за Лёки и сказки не было.

— Сказки не было? — опять переспросил дед Мороз. — Не знаю, про какую сказку ты говоришь, а я прикажу своей волшебной палочке, и она покажет вам такое чудо, что будет вам вроде сказки. Вот здесь, под ёлкой, появится пушистый гость.

Дед Мороз стукнул своей волшебной палочкой один раз — в зале погас свет. Стукнул второй раз — погасли огни на ёлке. Стукнул третий раз — свет в зале ярко вспыхнул, огни на ёлке тоже, а под ёлкой оказалась круглая корзинка. Старик снял крышку с корзинки, и оттуда вылезли белые кроличьи уши.

— Кролинька! — закричала Лида. Она бросилась к корзинке и вытащила оттуда перепуганного кролика. — Беленький мой, ну где же ты был?

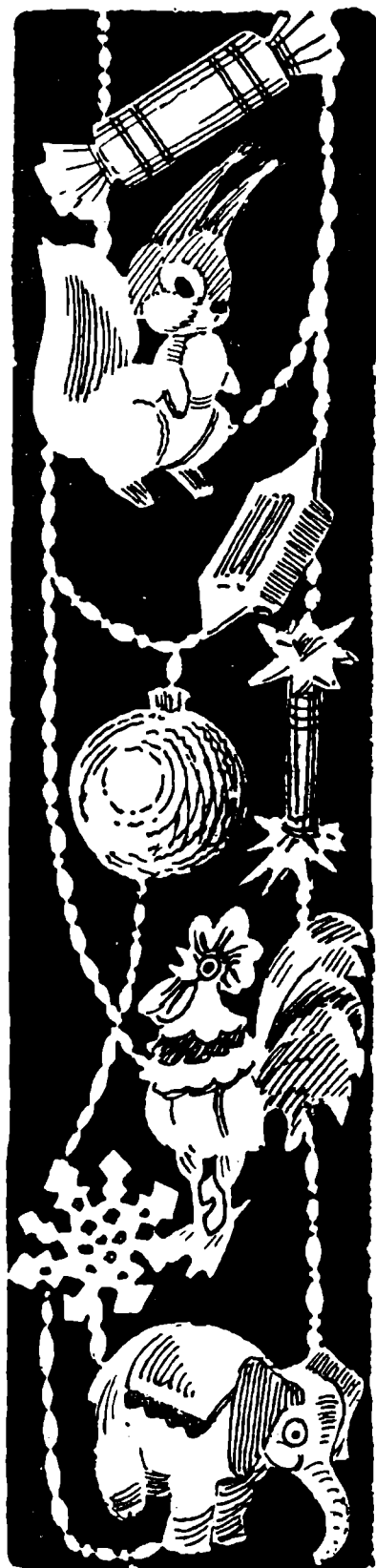
Но беленький только смотрел на беленькую Снегурочку косыми глазами и молчал. Уши у него со страху так плотно прижались к пушистой шубке, что их даже не было видно.

Все плотным кольцом окружили корзинку с кроликом — и ребята-дошколята, и ребята-октябрюта, и даже пионеры.

— Спасибо, дедушка! — сказала Лида. — Где вы его нашли?

— Это уж мой секрет, — ответил дед Мороз. — Мне помогла моя волшебная палочка. Привела меня к вашему кролику...

— А как он под ёлкой очутился? — спросил кто-то из ребят.

— А я знаю, как, — сказал Митя Мартынкин. — Пока было темно, его, наверно, Клавдия Николаевна принесла и поставила под ёлку. Или Татьяна Ивановна. Очень просто.

— У Мити всегда всё просто! — огорчилась Лида. — А ведь это правда как в сказке — не было кролика, не было, и вдруг — вот он!..

— Давайте покажем ему ватного кролика! — сказала Наташа. — Интересно, понравится ватный живому или нет?

Кролика посадили под ёлку рядом с ватным. Ватный сидел спокойно, а живой весь съёжился, прижался к самому стволу ёлки и только посматривал, куда бы ему убежать. Но бежать было некуда — везде толпились ребята.

— А в твоей клетке, кролинька, пока никто не живёт, — сказала Лида и обняла кролика.

Кролик задвигался.

— Я тебе сделала больно?

Лида присмотрелась к кролику и вдруг — что такое? Почему у него на брюшке чёрное пятнышко? Его раньше не было... И почему усы у него стали такие короткие? И на передней лапке не видно царапинки?

— Дедушка, — сказала Лида, — а это... тот кролик?

И, прежде чем дедушка успел что-нибудь ответить, за него ответила Наташа:

— Тот! Конечно, тот! Такой же белый и пушистый.

— А откуда у него чёрное пятно?—спросила удивлённо Лида.

Все призадумались.

— Наверно, мы его раньше не замечали, — сказал Серёжа.

— А царапинка где?—спросил Митя. — Почему её больше нет?

— Царапинка зажила! — весело ответила Наташа.

— А усы почему у него стали такие коротенькие?

— Да ну тебя, Митя! — рассердилась Наташа. — „Почему да почему“! Усы могли немножко вылезти.

Но, хотя Наташа и старалась всех уговорить, что это тот кролик, ребятам уже не верилось. Лиде стало как-то не по себе.

— Дедушка, — сказала она, — это вправду тот кролик?

Дед Мороз развёл руками:

— Тот или не тот, кто их разберёт!

— Ну ладно, пусть будет тот! — крикнула Наташа. — Клавдия Николаевна, можно мы отнесём кролика в живой уголок?

Клавдия Николаевна позволила. Кролика посадили опять в корзинку и только собрались нести в живой уголок, как вдруг открылась дверь, и в зале появился... Лёка!

Ребята даже вскрикнули от неожиданности:

— Лёка! Вот тебе на! Явился!..

Дети окружили его со всех сторон, как раньше кролика.

И все стали говорить ему, что ёлка уже почти кончилась, что сказки из-за него не было и что лучше бы он совсем не приходил, чем так опаздывать.

Лёка только слушал, молчал и как-то странно улыбался. Можно было подумать, что он даже чему-то радуется.

— Сам опоздал и сам ещё улыбается! — сердилась Лида. — Смотри, дед Мороз нашёл нашего кролика. Но только мы тебе уже не позволим его трогать. Не думай!

Лёка заглянул в корзинку и сказал:

— А я ничего и не думаю. Только это не наш кролик!

— Как — не наш? — рассердилась Наташа. — Много ты понимаешь!

Лёка хотел ещё что-то сказать, но его уже не стали слушать.

Кролика торжественно понесли в живой уголок. Впереди с корзинкой в руках шла Лида, за ней — Серёжа, за Серёжей — Наташа и другие ребята.

Лёка остался в зале. Он подбежал к своей бабушке, которой уже кто-то принёс стул, и прижался к ней, словно ожидая, что будет дальше.

ТОТ И НЕ ТОТ

Дети вошли в живой уголок и так и ахнули от удивления: в клетке уже сидел кролик!

— А этот откуда? — крикнула Лида и чуть не выронила корзинку. — Кто его принёс?

Она подскочила к клетке и сразу же осмотрела лапки другого кролика. Ну да, так и есть — на правой передней лапке, на самой её подушечке, виднелась царапина. Только она была уже не розовая, а коричневая.

— Это тот! Это тот! — закричала Лида и захлопала в ладоши. — И усы длинные, и царапина, и на брюшке чёрного пятнышка нет... Кто же его нашёл?

Серёжа посмотрел на одного кролика, потом на другого, потом опять на первого и вдруг закричал:

— Ура! Теперь у нас два кролика — тот и не тот!

— Интересно, кто же мог его найти? — сказала Наташа. — И где?

— Давайте спросим у Клавдии Николаевны, — предложил Серёжа. — Только сначала давайте посадим дедушкиного кролика к новому. То есть к старому.

Дети усадили обоих кроликов в одну клетку и побежали в зал.

— Снегурочка, как ты долго!.. — сказала Клавдия Николаевна, увидев Лиду. — Дед Мороз уже поиграл во все игры с ребятами и ждёт тебя.

— Клавдия Николаевна, — проговорила взволнованно Лида, — вы знаете, что случилось?..

— Старый кролик нашёлся! — крикнула Наташа. — Только мы не знаем, кто его принёс!

Клавдия Николаевна почему-то посмотрела на Лёку:

— А вот спросите у Лёки Шевчука.

Дети переглянулись:

— У Лёки?! Да ведь он только что пришёл... Откуда он знает?

— А вы всё-таки спросите.

Лида нехотя подошла к нему. Она всё ещё не могла простить ему и то, что он выпустил кролика, и то, что сегодня опоздал.

— Не знаешь, кто принёс кролика? — спросила она, почти не глядя на Лёку.

— Знаю... — застенчиво улыбаясь, ответил Лёка и спрятался за бабушкину спину. — Я...

— Ты? — удивилась Лида. — А кто его нашёл?

— Я... — сказал Лёка. — Мы с бабушкой.

Бабушка выдвинула Лёку и подтолкнула вперёд:

— Ну что ты прячешься? Расскажи, как всё было...

— Сама расскажи, — тихонько проговорил Лёка.

— Ну пожалуйста, — предложила Клавдия Николаевна, — нам это очень интересно.

Бабушка поправила на голове платок и встала.

— Ну вот, — начала она. — С того самого дня, как

пропал у вас кролик, Лёка нам покоя не давал. Найди ему кролика, и всё тут. Уж мы и в сквере были и в парке. Всех сторожей на ноги подняли, всех дворников на улице...

— А нашли вон на том дворе — напротив! — закричал Лёка, перебивая бабушку. — В сарае. Я в дыру пролез.

— Не сразу же его нашли, — остановила Лёку бабушка. — погоди, уж лучше я сама расскажу. С утра мне некогда было Лёку привести. Стали мы после обеда одеваться, чтобы на ёлку идти, вдруг прибегает к нам женщина из дома напротив. „Идите, — говорит, — скорей, к нам во двор какой-то кролик забежал. В сарае прячется. Не ваш ли это?“ — „Не знаю, — говорю. — Нам в детский сад пора. Мы и так уже опаздываем“. А Лёка чуть не плачет. И на ёлку опоздать боится, очень уж выступать ему хочется в сказке, и кролика упустить жалко. Что тут делать? „Бог с ним, с кроликом, — говорю. — Идём скорее в детский сад“. А Лёка совсем расстроился: „Нет, — говорит, — бабушка, пойдём раньше с тётей. Может, это наш кролик! Пойдём скорей!“ А как же с ёлкой быть? А Лёка заладил одно: „Пойдём за кроликом!“ Ну, мы и пошли. Смотрим — сарай заперт. У меня ноги больные, ходить мне трудно, а всё же пошли к дворнику за ключами. А дворника нет. Ушёл.

— Я и полез! — крикнул Лёка.

— Опять торопишься! — сказала бабушка. — Стоим мы с женщиной у сарая, а сделать ничего не можем. Есть, правда, в стене дыра, да только маленькая. — никому в неё не пролезть, разве что кролику.

— А я нашёл дыру побольше и пролез, — сказал Лёка. — Пролез и давай его ловить... Еле-еле поймал!

— Молодец мальчик! — похвалил его дед Мороз.

— Молодец, молодец!.. — закричали дети.

Даже Лида и Наташа, которые сердились на Лёку больше всех, теперь кричали вместе со всеми:

— Молодец Лёка!

А Лёка стоял такой смущённый, такой счастливый, точно получил замечательный подарок.

Ребята смотрели на него, и всем им казалось, что перед ними стоит не Лёка, а совсем другой мальчик — и старше, и больше, и смелее.

— Лёка, миленький, — сказала Лида, — это ничего, что сегодня у нас не было сказки... Зато ты кролика нашёл!

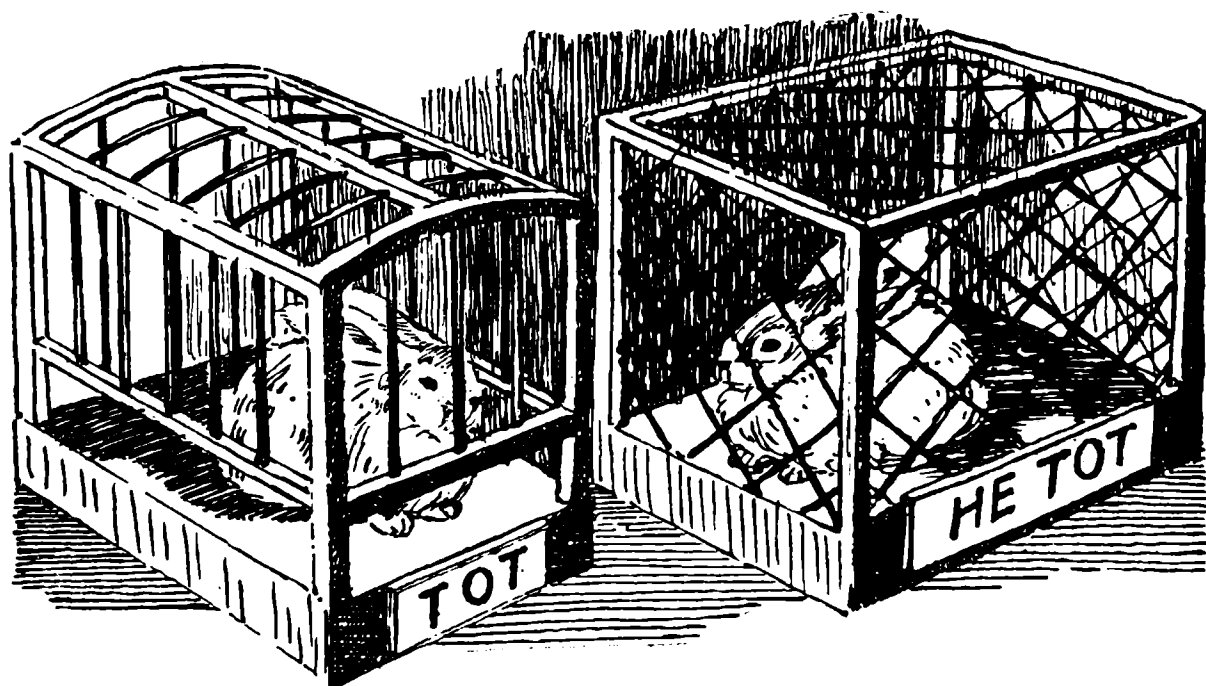
— А почему бы нам сейчас не сыграть нашу сказку? — сказала Елена Степановна. — Ведь теперь все в сборе. Лёка, скорее беги одеваться!

Лёка вместе с Татьяной Ивановной побежал в другую комнату, а ребята тем временем подкатили к ёлке избушку на колёсиках, и через минуту из её окна уже высунулась петушиная голова с красным гребешком. Под окном стоял серый кот и говорил, грозя лапой:

Не пускай, мой петушок,
Ты лисицу на порог.
Может хитрая лиса
Унести тебя в леса!

И Серёжа с Наташей представляли очень хорошо. Но больше всех понравился детям петушок. Он так высоко подскакивал, так сильно хлопал крыльями и так звонко кричал „кукареку“, что даже снегирь перепугался, снялся с ветки, на которой сидел, и улетел обратно в свой живой уголок.

ДО НОВОЙ ВСТРЕЧИ!

Когда сказка кончилась, дед Мороз встал с места и сказал:

— А ну-ка, Снегурочка, давай посмотрим, что ещё приготовила для ребят наша волшебная ёлка.

Дед Мороз стукнул три раза своей палкой, в зале опять стало темно, а Снегурочка громко сказала:

Ёлка-ёлка,
Зелёная иголка!
Покажи-ка нам сейчас,
Что ты спрятала для нас!

Вспыхнул свет, и дети увидели: под ёлкой, где только что лежала белая как снег марля, появились разноцветные кулёчки. Сквозь прозрачную бумагу виднелись конфеты в пёстрых бумажках, жёлтые мандарины, розовые яблоки. Дед Мороз стал раздавать кулёчки ребятам-дошколятам, ребятам-октябрятам, пионерам. И вдруг уронил свою красную варежку.

Митя Мартынкин подал её деду Морозу и сказал:

— А это не настоящий дед Мороз! У него руки горячие.

На секунду стало тихо. И вдруг раздался голос Лиды:

— Клавдия Николаевна! Татьяна Ивановна! Почему Митя говорит, что дед Мороз не настоящий и что руки у него горячие? Зачем Митя всё портит?

— Ничего, Снегурочка, — сказал дед Мороз. — Бывает, что и мороз обжигает.

Но Митя вгляделся в его чуть прищуренные, со смешинкой глаза и сказал:

— Дедушка, а я знаю, кто вы! Я вас сразу узнал. Вы в лесу живёте. Там, где наша дача.

— Угадал, мальчик, — ответил старик. — Живу в лесу, вашу дачу сторожу, за порядком слежу. Все деревья наперечёт знаю. Вот и ёлку срубил для вас в лесу.

— Спасибо, дедушка! — ответили ребята все вместе.

А дедушка сказал:

— До свидания, ребятки! До новой встречи! До новой встречи в лесу...

— До новой встречи! — отозвались хором ребята.

Дедушка ушёл, постукивая своей волшебной палкой, и, как только закрылась за ним дверь, на ёлке погасли огни.

* * *

Эту ночь кролики просидели в одной клетке.

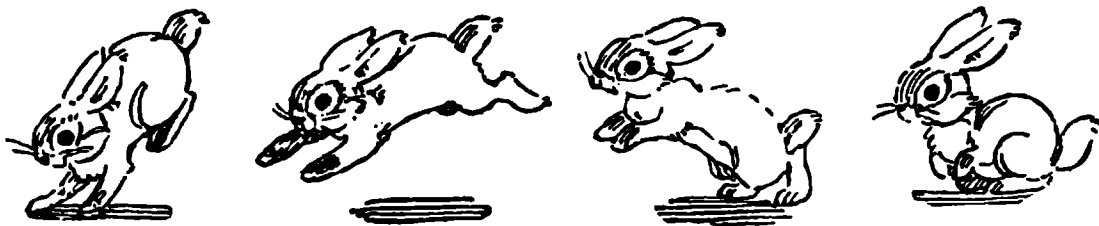
А утром Клавдия Николаевна раздобыла ещё одну клетку и посадила в неё дедушкиного кролика. Старый кролик остался жить в своей прежней клетке.

Раньше дети называли его просто „кролик“, а теперь это имя уже не годилось, потому, что в детском саду появился второй кролик.

Старого прозвали „Тот“, а нового — „Не тот“.

Так и на клетках написали:

„ТОТ“ и „НЕ ТОТ“.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Кто что запомнил?	3
Строители	9
Новая квартира Фиалки Еремеевой	15
Новоселье	19
Перед сном	23
Кто виноват?	27
Дежурные	33
О чём могли бы рассказать куклы	39
Серёжа и Володя	43
Лёка :	51
Вышел кролик погулять	58
Пустая клетка	66
Мастерская ёлочных игрушек	71
Кот, лиса и петушок	78
Новогодний праздник начинается	85
Лесная комната	91
Дед Мороз	96
Тот и Не тот	105
До новой встречи!	109

ДЛЯ ДОШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА

Ильина Елена Яковлевна

ПУШИНСТЫЙ ГОСТЬ

Ответственный редактор Л. Я. Либет
Художественный редактор С. М. Алянский
Технический редактор Т. В. Перцева
Корректора
Т. П. Леваерович и В. К. Мирингоф

•

Сдано в набор 11/VIII 1959 г. Подписано к печати 23/XI 1959 г. Формат 60×92¹/₈ — 14 печ. л.
(12,88 уч.-изд. л.). Тираж 115 000 экз.
Цена 6 р. 80 к.

Детгиз, Москва, М. Черкасский пер., 1.

* * *

Фабрика детской книги Детгиза.
Москва, Суэцевский вал, 49. Заказ № 2432.

Цена 6 р. 80 к.

